

• ЕЛЕНА КОРОВИНА •

ЧЕРНЫЙ ДРАКОН

МОСКВА И МОСКВИЧИ
• ХРОНИКИ ИНЫХ •

Фантастически
увлекательный
роман-сказка

Annotation

Кто бы мог подумать, что реальный современный город таит столько старинных убийственных тайн?.. Однажды Рина узнаёт, что на неё, обычную девчонку, идёт охота: она оказалась Хранительницей могущественного артефакта, старинного колдовского аграфа. Ловец был Чёрным Драконом, а его охота всегда была безжалостной и удачной. Потому что он был Хранителем древнего перстня Времени. Но когда Риина и Доминик встретились, им пришлось задуматься: почему Время ведёт себя так странно, то ускоряясь, то замедляясь? Почему мир рассыпается на осколки, как разломанный калейдоскоп? По-настоящему же в этом мире человеку не принадлежит ничего – только его жизнь и любовь. Но разве этого мало?..

Елена Коровина

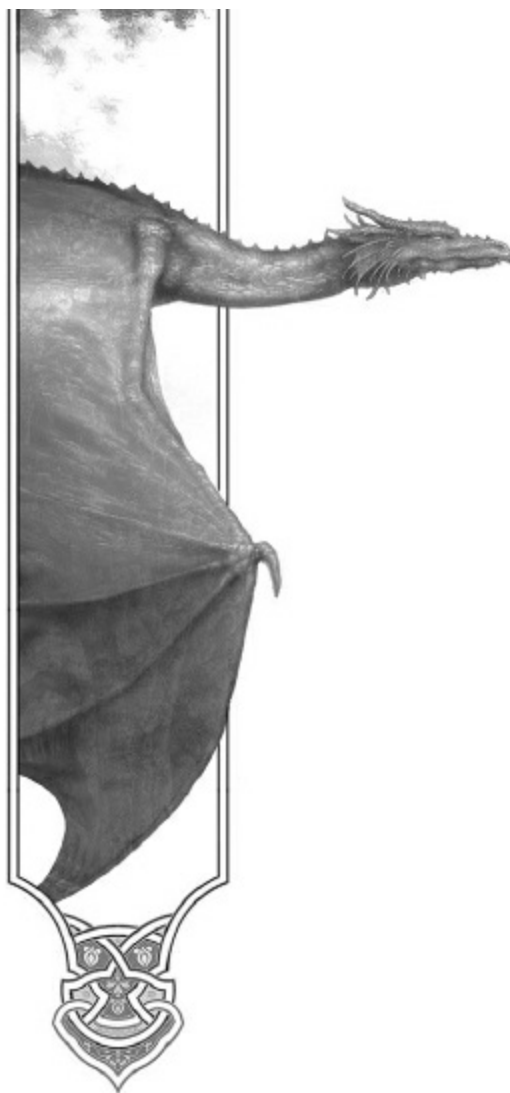
Черный дракон

*Неду, который отважился пережить часть этой истории.
Спасибо, что остался жив!*

I Часть. Хранители Времени

I. Ночной город: драконья охота

Хорошая новость для тех, кому каждый день катастрофически не хватает времени. Новая теория испанских учёных предполагает, что время, которое, как нам часто кажется, буквально ускользает, наоборот, замедляется и в конечном счёте может полностью остановиться.

Согласно Эйнштейну, время – такая же величина, как длина, ширина и высота. Теория убегающего времени была разработана учёными из двух испанских университетов, пишет The Telegraph. Стараясь объяснить, почему Вселенная непрерывно расширяется с ускорением, учёные пришли к неожиданному выводу. По их мнению, общепринятая теория, согласно которой на расширение Вселенной оказывает влияние некая масса, известная как тёмная материя, неверна. Учёные предположили, что это вовсе не Вселенная расширяется, а время замедляется.

Профессоры Джойс Сеновилла, Марк Марс и Рауль Вера утверждают, что замедление времени происходит настолько медленно, что люди этого даже не замечают. Согласно их предположению, которое опубликовано в журнале Physical Review, в тот момент, когда время полностью остановится, наша планета не будет существовать.

Космолог из Кембриджского университета Гарри Гиббонс предположил, что эта идея не так абсурдна, как звучит. «Мы считаем, что время появилось в момент Большого взрыва и если время может возникнуть, то оно может и исчезнуть, это как обратный эффект», – сказал он.

Ночной город выглядел почти угрожающим. В других городах планеты ночью ничем не хуже, чем днём. А часто – и лучше. Шикарная подсветка, весёлые лица подгулявших прохожих, яркая, дразнящая реклама. Здесь – нет. Хотя в центре города были и азартные лица, и бьющий в глаза неоновый свет.

Но он шёл по улицам окраины. Обычный спальный район. И уже не первый в поисках. Ясенево, Чертаново, Бирюлёво, Капотня, Люблино. Он с трудом осознавал названия. Пытался разобраться. В Чертанове, наверное, проживают то ли чертёжники, то ли черти. В Бирюлёве играют в старинную игру – бирюльки. Кузьминки – там, где Кузьмина мать? Или нет – мать была Кузькина. Но больше всего ему понравилось Гольяново. Там, видно, обитает одна голь перекатная. Тёмные лабиринты улиц. Похожие дома, сливающиеся в один. Грязь у подъездов, рытвины на мерзко уложенном асфальте. Но то, что он ищет, где-то здесь!

Было противно. Но он бывал и не в таких дырах. И всегда находил. Он был из породы искателей. И сейчас точно знал: то, что ищет, где-то рядом. Но где – нащупать не мог. Хотя за долгие годы блужданий, ожиданий и поисков у него выработалось почти звериное чутьё. Не нужно было даже напрягаться – он просто шёл, вбирая в себя улицы, дома, квартиры. Шапка его чёрных волос трепалась по ветру, словно тончайшие нити разветвлённой антенны. Чёрное длинное пальто распахивалось. Пуговицы трещали и падали на асфальт. Как будто он, продираясь по ночным улицам, оставлял на крючковатых лапах их подворотен свою чешую. Недаром же друзья звали его Драконом – Чёрным Драконом, ибо он был рождён в год Дракона и всегда предпочитал чёрное. Конечно, никаким мистическим существом он не был. Но он умел искать и находить. И его драконово чутьё подсказывало – здесь...

Тогда он входил. Стучал или звонил в дверной колокольчик. Хотя что это он? Колокольчики были давно. Теперь он нажмёт на кнопку звонка. Ему откроют. Если нет – не беда. Он войдёт сам. Он умеет. Никто не сможет его остановить. Он войдёт и найдёт, что нужно. Ведь от этого зависит ВСЁ. Он тот, кто находит и...

В свете единственного фонаря он остановился. Стало видно, что над головой кружат крохотные снежинки. А он даже не замечал их...

Что-то пошло не так! В этом пугающем неосвещённом городе всё сразу пошло не так. Он закрыл глаза и снова мысленным взором окинул улицу, дома, квартиры. Всё было мертво! Нет, конечно, за каждым окном жили люди – занимались своими делами, испытывали какие-то чувства. Но всё это ему не было нужно. Он искал другое. И был настроен только на один Зов. Но именно этого Зова и не было!

Он в который раз попытался нащупать След, который привёл его в этот город, на эту улицу. Он всегда поддерживал связь. Но полгода назад потерял нить. Хотя особо беспокоиться тогда не стал. Такие «потери связи» случались и раньше. Люди ведь не роботы, иногда они начинают слишком сильно нервничать. Иногда влюбляются или, наоборот, начинают ненавидеть. Все эти пережлесты чувств негативно сказываются – Нить теряется. К тому же нельзя оставить человека, как маяк, на одном месте. Люди обожают переезжать, путешествовать. И связь опять теряется. Но ведь всегда находится!

Но теперь это длится уж слишком долго. И время работает против него. Да он просто физически чувствует, как ткань времени расползается у него между пальцев. А он не может нащупать основную нить. Это плохой знак. Очень плохой...

И вдруг утром он снова почувствовал Нить. Уловил. Ощутил. И сам засмеялся: унюхал. Пока он подлетал к городу на самолёте, След всё время трепетал в пальцах – горячий,

огненный. Он привык к его жару, хотя и вынужден был вечно носить свои чёрные перчатки.

Но сейчас он ничего не чувствовал!

Рывком он содрал с пальцев всю эту чёрную кожу. Стало холодно, но он опять ничего не почувствовал! Проклятье! Он попытался застегнуть пальто и только теперь на пробирающем холоде обнаружил, что пуговицы, как говорят в этом городе, выдрались с мясом.

Мясо... Дракон мучительно сглотнул. Он был голоден. Но не позволил себе ни часа задержки. Аэропорт в Европе, самолёт, аэропорт в Москве. Частная машина, ожидавшая его. Одна окраина. Кружение по улицам пешком. Вторая окраина. Третья. В Европе – плюс три. Здесь – минус пять. Днём. После захода солнца ещё холоднее. Пошёл снег. Надо было надевать пальто с капюшоном. Дьявольщина, как холодно!

Чёрные полы пальто взлетели под натиском ветра. Шарф, завязанный в модную «петлю», скорее душил, чем прикрывал горло. Щегольские туфли промокли. Снег усилился. Голову просто прожигало острыми ледяными крупницами. От мороза Дракон задышался. Проклятье веков! Почему он не слышит Зова?! Такого раньше не бывало. Неужели этот город сопротивляется?!

Дракон застонал и повернул к затерявшейся где-то в снеговой завесе машине. Ему казалось, что он вышел всего-то на несколько минут. Дракон всегда хорошо ощущал время – правильно. Но теперь оказалось – он взглянул на часы, – что топчется здесь уже почти сорок минут. Невероятно, но время всё чаще стало проделывать фантастические кунштюки – то летит вперёд, то замирает на месте. Ладно, он перенесёт поиск. Но тут что-то не так! Дома, улицы и площади не могут сопротивляться. Но тогда проклятие вдвойне – это значит, что кто-то живой, умный, бесстрашный яростно и отчаянно пытается противостоять в ночи Дракону – запутать, не дать найти! Этот кто-то ждал, что Дракон появится. И был готов на всё. Но это значит, что этот кто-то ЗНАЕТ, за чем приходит Дракон.

Или дело того хуже – проклятие третьей степени! Его ищут. Нет, ещё не засекли, но уже ищут. Да, нынешнее дельце становится потяжелее других. Ведь его искали всегда. Но ни разу он не ощущал, что кто-то может подобраться так близко. И тогда лёгкая прогулка по городу превращается в опасное занятие – Дракон хищно усмехнулся, – значит, он на верном пути.

Тревога не уходила. Весь день казалось, что-то должно случиться. Объявиться знанием, произойти событием. От этой тревоги приходилось то сто раз на дню открывать почту на разных сервисах, искать повсюду вечно прячущийся куда-то мобильник, бросать тревожные взгляды на стационарный телефон, как будто тот мог взять и исчезнуть. Но ничего не исчезало. Мир стоял в своей спокойной незыблемости. Всё было тихо. Никаких новостей, писем, звонков. Никаких знаков, указывающих на то, что нужное случится. Но тревога нарастала. И он чувствовал её всё сильнее. И почти уверился, что ЭТО случится.

Время стало вести себя совершенно непредсказуемо – обманывало и запутывало. Вчера он выпил две чашки кофе за... два часа. Это же по чашке в час – разве такое возможно?! А сегодня выскочил из душа впопыхах – показалось, что пробыл под бодрящими струями бог весть сколько времени. Но по часам выходило всего-то пятнадцать минут. Наверное, это его внутренняя тревога разлаживает время. Но как от неё избавиться, он не знал. Даже во сне тревога не покидала его. Она просто затаилась где-то под покровом призрачного отдыха. Но было уже ясно, что никакого отдыха ночь не принесёт.

Так и вышло. Тонкий зуммер в мозгу заставил разомкнуть веки, вскочить с кровати. Во рту появился железный привкус. Так бывает, когда, например, выпьешь витамины, содержащие железо. Говорят, железо – это вкус крови. Кто знает. Кровью баловаться не

приходилось. Все эти рассказы про вампиров, омолаживающихся кровью и потому живущих по триста лет, – просто глупые сказки людей, которых что-то непонятное напугало в жизни.

Но в данном случае всё стало понятно – где-то на улицы и площади города наконец вышел тот, за кем так долго и неотступно наблюдали.

Чёрный Дракон. С ним было труднее всего. Предыдущие ищейки его проклятого Братства Хранителей были куда проще. Их всегда удавалось выследить и часто нейтрализовать. Но этот тип умел мастерски менять обличья. И без париков с гримом! Его собственное лицо было настолько странным, что те три фотографии, что удалось получить, поставили всех в тупик – на них отображались абсолютно разные лица. То есть вроде черты и те же – вытянутый абрис, остро очерченные скулы, запавшие глаза, но создавалось чёткое впечатление: на каждой фотографии – не похожие друг на друга люди. А ведь все три фото снимали с перерывом в полминуты, и он никак не мог перегримироваться. Но лица оказались даже по возрасту разными – то двадцати лет, то пятидесяти. И ещё его странный расфокусированный взгляд! Как будто этот тип то ли равнодушно смотрит мимо тебя, то ли кривится с превосходством, то ли вообще всегда думает о чём-то своём, не подвластном другим. Именно этот взгляд выдавал в нём того самого внутреннего зверя, которым он, в сущности, и являлся.

Конечно, неизменным оставался рост. Но и тут не обходилось без неожиданностей. Сто восемьдесят четыре сантиметра по современным меркам – ни много ни мало, выше среднего, но ниже высокого. При желании всегда можно стать выше или ниже. Ну а голос при актёрских-то навыках этого проклятого типа – вообще не примета.

Оставалось одно – найти эмпата. И тогда знающие люди нашли его – человека, который сумеет почувствовать этого зверя. Выйти на внутреннюю связь, создать энергетическую привязку, выследить – незаметно, незримо – и наконец загнать в ловушку. Зверь должен сидеть в клетке, а не бродить по городам, оставляя за собой трупы. А что их было предостаточно, сомневаться не приходилось – стоило только открыть подборку, скачанную на особый файл с новостями разных лет и стран.

Вот – 1968 год. Прага. Тогда ещё столица «дружеской» Чехословацкой Социалистической Республики. Проще говоря – Чехословакии. В тот год в неё вошли советские танки. Как было тогда объяснено, по просьбе трудящихся для подавления антидемократического и антинародного мятежа. Но не эти антинародные фарисейские байки содержались на странице старой вырезки. Там были совсем иные «новости».

«На Златой улочке, одной из самых прекрасных и древних в старой Праге, была найдена убитой семилетняя Марушка Градня. Труп девочки был обнаружен ранним утром прямо в центре того квартала, что издревле именовался в народе Кварталом Колдунов. Именно там в XVI веке при императоре Рудольфе II селились алхимики и маги, астрологи и предсказатели, ведьмы и колдуны, которых Рудольф зазывал в свою столицу со всего света. Император обожал всё мистическое и таинственное, мечтал о философском камне, алхимическом золоте и создании искусственного голема. В любой другой столице всех этих магов сожгли бы на костре, но император Рудольф не только скрывал их от инквизиции, но и щедро оплачивал их опыты. С тех пор горожане и начали называть с опаской это место в Пражском Граде Кварталом Колдунов.

Почти четыре века прошло с тех пор, но дурная слава квартала не исчезла. И вот страшная находка – обескровленный труп семилетней девочки. И хоть на дворе вторая половина XX века, но снова вспомнились легенды о вампирах, высасывающих кровь у своих

невинных жертв. Действительно, чем же иным можно объяснить странную и страшную смерть ребёнка?»

А вот другая статья и другая дата – сентябрь 1973 года. Через несколько дней в Сантьяго будет убит президент страны Сальвадор Альенде и хунта Пиночета захватит власть. Но статья не об этом катастрофическом событии, хотя в ней говорится о не меньшей жестокости.

«На рассвете на улице Кампостелло полицейские обнаружили страшную находку – труп мальчика примерно десяти лет. Его шея прорезана от уха до уха. И эти рваные края просто ужасают. Пока полиции не удалось установить личность несчастного ребёнка. Но следствие склоняется к тому, что он – выходец из низов, самых незащищённых слоёв общества, скорее всего, из неблагополучной семьи. Вряд ли бы с отпрыском благополучного семейства могло произойти такое».

Ну конечно... Эмпат усмехнулся. Горько и мучительно. Глупые журналисты думают, что социальное положение защитит кого-то. Может, конечно, и так. Но только не там, где замешан Дракон. От этого чудовища не спасёт ничто. А именно этот зверь был замечен и в Златой Праге, и в Сантьяго в дни, когда произошли эти кровавые убийства.

Ну а последние десятилетия XX века следы Дракона обнаруживались в Москве. По каким признакам – это не дело эмпата. Но решено было создать особый пункт наблюдения именно здесь. Тогда и нашли его – эмпата. Тогда же он узнал единственную точно установленную дату – Чёрный Дракон был в Москве 1 августа 1991 года. Тогда никто, конечно, не знал, что через семнадцать дней произойдёт явление ГКЧП народу и на экранах телевизоров затанцуют чёрные и белые лебеди «Лебединого озера». Но вся страна уже была в невиданных волнениях. Так что если это чудовище и оставило после себя трупы невинных жертв, то сведения о них просто потонули в последующих трагических событиях.

И вот этот зверь снова прилетел в наш город. И значит, снова будут трупы. Но ведь пока их ещё нет. Он только явился – принимает, приглядывается. Ищет жертву. Или многих жертв. Но неужели его нельзя остановить?!

Одеяло полетело на пол. Эмпат поднялся во весь рост. Он обитал в самом центре города – историческом Замоскворечье, на Малой Ордынке. Несмотря на центр, район не шумный. Для его работы это благо. К тому же улица наистариннейшая, с большой энергетикой. Говорят, здесь даже призраки водятся. Но эмпат не встречался с ними. А вот старинная призрачная энергетика давала ему большую подпитку.

Эмпат подошёл к окну, отдернул цветную занавеску, потянул за створку. Снежные жала сотнями устремились в комнату на незащищённое тело. Человек тряхнул шапкой чёрных волос, поднятых порывом ветра, но его мозг уже ни на что внимания не обращал, хотя он ещё не понимал, что хотел уловить. Вся сила разума дала команду силе эмпата. И внутренний ловец кинулся в ночную тьму. Теперь и он, как тот чёрный зверь, принимался, вбирая в себя ночные запахи и вкусы города. Он должен найти! Он такой же, как тёмный незванный гость, вторгшийся на улицы и площади. Он со-чувствующий. Он должен почувствовать. И поскольку он – такой же, зверь не сможет ему помешать. Они едины и стоят сейчас вместе на...

Окно глухо стукнуло, закрывшись под напором ветра. Цветная занавеска, взмыв вверх и опустившись, тихо колебалась от порыва. Человек застонал. Как глупо! Неужели и ветер на стороне этого чудовища?! Ведь вот только что он стоял с ним рядом, ещё миг – и смог бы увидеть его глазами, где находится, понять, что за место. Если вычислить, где этот зверь рыщет, можно помешать ему. И вот из-за дурацкого сквозняка всё сорвалось. Теперь придётся

начинать сначала.

Но ноги уже почти не держали. Человек отпрянул от окна и рухнул в постель. Завтра! Он продолжит завтра. Он не отступится. Он должен. Он не хочет кровавой дороги этого чудовища. Хотя одно он смог сделать сегодня – закрыть свой город. Помешать зверю найти добычу. Всё остальное – завтра.

Человек глухо вздохнул и провалился в сон.

Ринка проснулась от собственного крика. Села на кровати, обхватив себя руками. Опять этот жуткий сон! Невероятное ноющее ожидание чего-то. И страх... Липкий, заволакивающий страх. Наверное, объятые именно таким страхом бедные кролики шли прямо в пасть удава...

Ринка же во сне шла домой. Пыталась дойти – добраться, поползти. Дом – старенькая квартира в девятиэтажке. Дома хорошо. Дома не страшно. Дом – норка, дом – убежище. Но во сне Ринка никак не могла добраться до своего дома. Она ехала на поезде, летела на самолёте или просто шла по ночным улицам. Но дойти не могла!

В последнее время мучил уж и вовсе несуразный сон: Ринка должна была добраться до дома на метро, но не могла войти в вестибюль, а если входила, не могла спуститься на станцию. То её останавливали турникеты, то не хватало денег, то она путалась в переходах. Но сегодня и переходы она прошла, и очередь к кассе выстояла, и денег у неё хватило. Она даже получила от кассира магнитный билет, но он не сработал!..

Ринка прикладывала его и так и эдак. Суежилась, мучилась. Все вокруг проходили, одна Ринка никак не могла преодолеть преграду турникета и спуститься к поездам. Добраться до дома. Туда, где хорошо.

Ринка плакала, просила пассажиров, но никто – ни один! – не откликнулся, не помог. Они шли мимо, будто не видели её. А значит, она опять не попадет ДОМОЙ – туда, где не страшно, безопасно, тепло. И Ринка заорала в голос. Уже в который раз. В точно таком же сне, снившемся и ночь назад, и две ночи, и три. И в ужасе проснулась от собственного крика. Как и в прошлую ночь, как и две, и три назад...

Синий свет ночника мягко струился в темноте. Уже месяц Ринка не могла засыпать без света. Да она вообще теперь засыпать боялась! Оттягивала этот момент как могла. Находила дела, бралась за книгу, даже стала включать ночные программы телевизора. Но не могла же она вообще не спать?!

Часам к четырём сон всё-таки смаривал её. Она где-то читала, что это самый жуткий час – час Быка. Именно в это время у людей случаются инфаркты и инсульты, именно в это время останавливается сердце во сне. Вот и Ринка отмучивалась к четырём. Падала на постель и засыпала, часто даже не раздеваясь. И уже в последнем осознанном мгновении молила все Высшие силы – пусть не будет сна! Проклятого, непонятного сна, в котором она никак не может добраться до ДОМА...

Но сон приходил. И Ринка снова кричала в голос. И опять просыпалась в ужасе. Но сейчас это был даже не ужас – паника!..

Как будто её кто-то выслеживал. Кто-то невидимый – то медленно кружил рядом, то крался по пятам, то пускался за ней бегом. Она уворачивалась, пряталась, бежала. Но ясно понимала – далеко не убежать...

Ринка вскочила. Тапка с глухим стуком упала на пол. Оказывается, она спала в тапочках... Дошла, докатилась! Эдак и до психушки недалеко.

Времени было всего только 2:30 – никакого трагического часа Быка. Хотя со временем в

последние дни тоже творилось что-то неприятное. Часы во всех комнатах то убегали вперед, то отставали. А то вообще показывали разницу в несколько часов. Ну как понять – ночь или день, утро или вечер? Тем более что зимой солнечный день вообще короткий. Когда ни глянешь на улицу – там постоянно горят тусклые фонари. Будто время и само теряется, не понимает, не осознаёт – день ещё или уже вечер. И оттого тревога всё возрастает...

Хотя все это – придурь, как говаривала бабушка. «Если родные и близкие здоровы, то все страхи таятся только у нас вот тут!» И бабушка стучала по своему лбу. Ещё она учила внучку: «Ни ты, ни я не должны ничего бояться. Мы заговорённые в этом мире. С нами ничего плохого не случится!» Хорошо бабуле было так говорить. Она-то и не почувствовала никакого страха, когда месяц назад умерла. Просто заснула и не проснулась. Тоже, наверное, в этот самый час Быка. А вот Рина натерпелась дикого страха, когда утром попыталась её разбудить...

Но тогда страх продержался недолго. Уже на следующую ночь, когда измотанная скорбными хлопотами Рина забылась во сне, страх ушёл. Потому что пришла бабушка. Да-да, пришла как ни в чём не бывало. В жёлтом махровом халате и тёплых вязаных носках. И хотя Ринка понимала, что всё это происходит во сне, но бабушка ничем не отличалась от той, которой была в жизни. Да и чего бы ей отличаться, она ведь была живой только вчера...

«Риночка, – сказала тогда бабуля, – ты не переживай. Мне не больно, а вполне даже комфортно. Я дома, только не в Москве. И со мной ничего плохого не случилось. И с тобой никогда не случится. И даже с твоей мамой, моей непутёвой доченькой, всё будет хорошо. Ты же знаешь, у нас есть мощный оберег». И бабушка показала на Аленький цветочек.

Конечно, это маленькое деревце не было никаким волшебным цветочком – это был карликовый гранат. Полгода назад старинный друг и обожатель бабушки Тотий Львович (бывают же такие имена!) перебрался к сыну в Лондон и посоветовал бабуле произвести «квартирную манипуляцию» – переехать из их однокомнатной в его двухкомнатную квартиру. Поначалу Рина удивилась – в наше время пустить жить за так, без оплаты? Но бабушка тогда объяснила, что всё равно Тотию квартира не нужна.

– Но на сколько мы можем переехать? Вдруг хозяин вернётся? Или приедут его наследники, – не поняла тогда Рина.

Но бабушка твёрдо сказала, что они могут переехать хоть на всю оставшуюся жизнь. Тотий так ей чем-то в прошлом обязан, что сейчас, считай, уступает им квартиру на Открытом шоссе.

Сначала Рина подумала, что попадёт на огромную улицу – каким же иначе быть шоссе, да ещё Открытому? Но оно оказалось довольно узким, к тому же его центр занимали трамвайные пути. А вокруг всё было заставлено какими-то ларёчками, павильончиками, пристроечками. Но самое смешное, что это Открытое шоссе упиралось в... тупик. Вернее – в лес. Да-да, трамваи так прямо и въезжали в лес. Вот чудеса! Только в нашем старинном городе могут быть такие парадоксы.

Впрочем, к городским парадоксам Рина привыкла. Как и к парадоксам в своей жизни москвички тоже. У бабушки всегда находился какой-нибудь «давний приятель», который то почему-то присылал ей огромную сумму денег, то предоставлял им с Риной на лето большой ухоженный особняк. Наверняка её бабуля-тихоня в молодости оторвалась, пускаясь во все тяжкие. Заимела множество поклонников, которые до сих пор расплачиваются за увлечение юности. Вот и Тотий Львович почему-то предоставил им квартиру. Что ж, Рина уже привыкла ко всему. Но когда они с бабулей перебрались в восьмидесятиметровую двушку,

стало ясно, что это просто везение. Жаль, конечно, что квартира не стала их по документам, но Рина никогда не вникала в запутанные жилищные дела. По документам даже после переезда они с бабушкой вроде бы оставались на старой квартире. Хотя бабушка говорила, что Рина прописана у мамы. Вот только где – Рина не вникала. Ведь в своей квартире мать не жила, а обосновалась в той, которую ей оставил какой-то приятель, уехавший в Южную Америку. Словом, путаница была всегда. Рина однажды даже посмотрела своё семейство в базах данных по Москве. Она не нашла там ни мамы, ни бабушки, ни себя! Даже телефон в их старой квартире всё ещё числился на прежнем владельце. Но какая разница, кто где живёт на самом деле? Зато теперь у Ринки и у бабушки было по собственной комнате. И не по клетушке в десять метров, а по хорошей большой комнате. Как они тогда радовались и благодарили щедрого Тотия Львовича! От него достался и ещё один царский подарок – карликовый гранатик, прозванный Аленьким цветочком. Деревце в полметра ростом оказалось необычайно красивым и само по себе, а уж когда в июне на нём появились цветы... Рина прямо ахнула. Недаром на Востоке говорят, что «цвет граната – цвет жизни». Цветки действительно были такого немыслимо алого – чистого, завораживающего волшебством – цвета, что Ринка каждый день глядела на них прямо с восторгом. Она пересчитывала их, даже разговаривала с ними – словом, вела себя как дитя в детстве или как дурочка в дурдоме. На лето гранатик поместили на балкон, а осенью перенесли в комнату. Но он то ли не понял происходящего, то ли проигнорировал перемену сезонов, но листьев не сбросил, да и цвести не перестал, хотя к октябрю на нём появились плоды величиной в сантиметр. Но вот чудеса – через пару недель уже Новый год, а деревце по-прежнему полыхает алым цветом. Ну просто сказка на дому!

Ринка потёрла виски. Да, мысли о чудесном гранатике действуют весьма положительно. Она поднялась с кровати и подошла к деревцу, привычно приговаривая:

– Какой же ты красивый! И какой труженик – опять новые гранатики появились...

Девушка протянула руку к крошечному шершавому плоду, уже начинавшему коричневеть – явный признак того, что гранатик поспевает, и вдруг укололась обо что-то. Скорее всего, об одну из засохших веточек – они же тонкие и острые, как стальные иголки.

– Ах! – Рина вскрикнула, отдёргивая руку.

Но на пальце уже выступила капелька крови. Рина сунула палец в рот, как в детстве, и укоризненно глянула на гранат.

– Что тебе не понравилось? Что я решила тебя тронуть? Можно подумать, ты там прячешь что-то! Вот перестану поливать!.. – в сердцах выпалила Ринка.

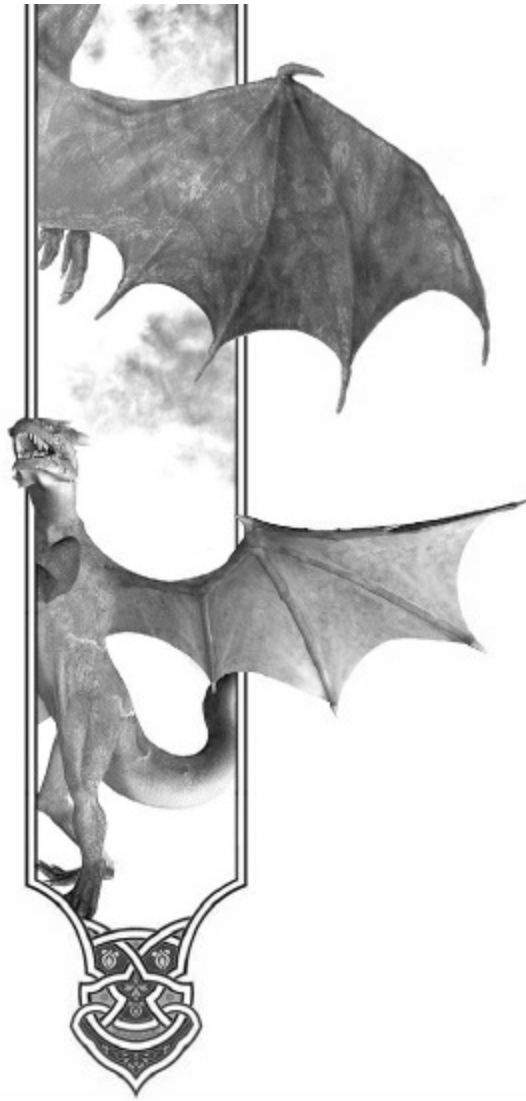
И тут же улыбнулась – она разговаривала с деревцем, как с живым существом. Ну не смешно ли?

И то ли это забавное происшествие встряхнуло её, то ли мысли потекли по привычному домашнему руслу, но напряжение, не оставлявшее целый день и скрутившее ночью, отступило. Ринка даже снова улыбнулась. Какая она трусиха – навоображала себе невесть что! А на самом деле проснулась потому, что сегодня ночью (аж в 3:45!) по одному из кабельных каналов будут показывать её обожаемый фильм «Афера» с Полом Ньюменом. Только до фильма ещё целый час. Не поставить ли видик на запись? А завтра днём посмотреть. Мудрое решение.

Ринка потянулась и...

Как будто где-то далеко кто-то прошептал бабушкиным голосом:

– Всё нормально! Теперь всё будет хорошо!

Энтропия (*греч.* en – в, trope – поворот, превращение) – одно из основных понятий классической физики, введено в науку Р. Клаузиусом. Энтропия выражает способность энергии к превращениям: чем больше энтропия системы, тем меньше заключённая в ней энергия способна к превращениям. Нарастание энтропии свидетельствует о нарастании хаоса внутри системы.

Энтропийно ли время? Известный хронист-исследователь Мак-Таггарт ввёл такое понимание времени и его соотношение с энтропией: «Становление времени оказывается несуществующим в силу статичности времени, а при определении через отношение Прошлого – Настоящее – Будущее само время становится чем-то противоречивым, а следовательно, чем-то нереальным». При этом становление – это результат самодвижения материи, который и сам представляет процесс возникновения принципиально новых материалов, явлений, объектов, процессов и прочее, которые не выводятся непосредственно из исходных материалов, явлений, объектов, событий и прочее. Время же оказывается абсолютно двояко:

1. Это время, которое мы можем высчитать и отмерить, то есть проанализировать. Отсюда вывод – если мы можем отсчитать и проанализировать это время, то сможем его контролировать и им управлять. Подобное время становится упорядоченным, выстраиваемым, дающим возможность прогнозировать, а значит, ведёт к Космическому Порядку.

2. Это так называемое открытое время. Оно открыто случайностям и различным действиям, ведущим к поправкам и даже изменению событий. А если это время формируется случаем, то становится неуправляемым, рискованным, неукротимым и ведёт к Космическому Хаосу.

Сочетание этих двух времён на первый взгляд выглядит чем-то нереальным. Однако именно сочетание их несочетаемого и даёт общему ПОТОКУ ВРЕМЕНИ непотопляемость, устойчивость и вечность.

Из глубин Интернета

– Почему я должен выключать телевизор? – проговорил бархатный голос. Владелец его был невысок, уже немолод, но весьма импозантен. А завораживающий баритон и вовсе делал его невероятно обаятельным на старинный манер. – Это же криминальные новости. Надо посмотреть. На всякий случай.

– Лучше посмотри на дату видеосъёмки – вон, внизу! – Мужчина гораздо моложе, лежавший на кровати, устало ткнул в экран.

– Сегодняшнее число – 19... Что за чушь – 19 мая?.. Какой ещё май?! На дворе декабрь!

– Это май будущего года. Именно тогда эту старушку, Аллу Михайловну Волосову, найдут в лесу. Смотри – трава уже вовсю и деревья в листьях.

– Но как это могут показывать сейчас?! Или это тоже то, о чём ты говоришь?

– Энтропия времени. Оно потеряло свою устойчивость. Так происходит. Не часто, но иногда. Люди всегда считали, что время необратимо и незыблемо. Идёт по одному направлению – в будущее. Но это не так. В устойчивом полотне времени появляются прорехи. И тогда результат непредсказуем. Время может вернуться назад, скакнуть вперёд. Да кто его знает, что может случиться! И вот мы видим картинку передачи, которую покажут через полгода.

– И что это означает?!

– Сам знаешь, образованный. Энтропия всегда увеличивается, однако не всегда быстро. Но вот наступает час Икс, когда это начинает случаться всё быстрее. Времена перемешиваются. Проходят сквозь друг друга. Возникают временные зазоры. В настоящее вклиниваются прошлое и будущее.

– Как у Толстого: «Все смешалось в доме Облонских». Ну а тебе, как долго жившему в Англии, будет ближе Шекспир: «Time is out of joint» – «Распалась связь времён».

– Классики умели выражать сложное весьма просто. Но на самом деле это поломка. Древние давно поняли, что так будет случаться время от времени. И потому создали инструмент починки. На то они и были Великими древними.

– Ты так говоришь, словно работа со временем – починка унитаза. Подкрутил – и всё опять в порядке.

– Отличное сравнение! – Парень оскалился и даже весело хмыкнул. – Время утекает сквозь жизнь, как вода в протекающем унитазе. Разрывает привычную «трубу», проделывает дыры и огромные дырищи. Заливает целые поколения, сметает с земли народы и страны. Катастрофа! А между тем устрани поломку – и всё снова войдёт в привычное русло.

– Да уж... – Владелец баритона усмехнулся. – Сколько живу – всё равно не могу привыкнуть к таким рассуждениям. Четверть века уже знаю о Хранителях Времени, сам состою в их Братстве, а всё равно всегда удивляюсь, что мы можем хоть что-то сделать.

– А я не удивляюсь... – Парень вытянул из-под одеяла голую ногу и, потянувшись, пятернёй почесал пятку. – Я просто прихожу и делаю. Это моя работа. И мне наплевать, кто

и чем за это будет расплачиваться.

– Ты – циник... – Баритон поморщился. – Хотя с твоей работой станешь циником. Ты сталкиваешься с теми, кто хочет воспользоваться энтропией времени в своих целях. Тебе, наверное, кажется, что все люди деспоты, властители, садисты. А вот меня больше беспокоят другие – Разрушители Времени. Те, что откололись от общего Братства Хранителей и выступают теперь апологетами Нового Времени. – Пожилой собеседник печально посмотрел на парня. – Садист хотя бы ограничится несколькими жизнями, тиран своей страной. А Разрушители мыслят масштабно. Хотят разрушить само существующее время. Мечтают о Новых временах. Рассказывают о них в самых привлекательных красках. Что не будет современной нищеты и горя. А будут только новое счастье, богатство для всех и прекрасное будущее...

– Ну да! – Парень фыркнул. – Только они забывают сказать, что путь к прекрасному будущему будет залит потоками крови. Сколько веков они смущают умы – третий век?

– С середины XVIII столетия. И к чему это привело? К Французской революции в 1789 году. Новый календарь – новое время. И что?! Революционный террор. Гильотина, работающая двадцать четыре часа в сутки. «Красавица, чьи объятья не знают усталости»! А потом революционные войны. Разруха целой Европы! Невероятное вознесение простого капрала на трон Франции. Как говорят твои англичане – «чудовище Наполеона».

– Ха! – Парень на кровати поскрёб за ухом. – Забавная метаморфоза. Помнишь сказку мадам де Бомон «Красавица и Чудовище»? Мир добра, любви и справедливости. Прелестная героиня и страдающее чудовище с добрым сердцем. И вот ты говоришь – красотка гильотина и чудовище Наполеон. Как всё повторяется – но в каком диком парадоксе!

– А в XX веке? Время уже несколько раз становилось похоже на решето. А энтропия всё увеличивается.

– Тебе видней, Сим Симыч, ты у нас историк по Времени. Вот только в отличие от тебя я уверен, что никаким Разрушителям ни разу не удалось снять пенки. Всегда находился кто-то, сумевший воспользоваться плодами их трудов. Так что для меня именно отдельные люди с наклонностями тиранов и садистов – самое неприятное. Обычный «разумный» человек в личных целях может натворить такого, о чём для общественных благ и не додумается.

– То есть ты предполагаешь, что нынешнее увеличение энтропии связано с конкретными людьми? А вот я так не думаю. Поверь мне, это приверженцы Братства Нового Времени. Уж я-то в России наслушался. Сначала начинаются разговоры о недовольстве теперешними временами. О том, что нужны новые. Реальных перспектив, понятно, никто не предлагает. Просто – «мы наш, мы новый мир построим». Но сначала снесём до основания предыдущий. Начнётся путаница. Люди перестанут верить тому, что видят и слышат. Начнут во всём искать ужасающие подвохи, выдумывать странные идеи. Идёт поиск виноватых. Как охота на ведьм в Средневековье. У людей едет крыша потому, что их привычное время расплывается на кусочки. А тут ещё истерия по поводу конца света.

– Да его постоянно предсказывают. То 1600 год, то 1800-й, то каменный календарь майя. А кто знает, верно ли учёные рассчитали соотношение нашего и их времени?

– Но дело не в этом! – Историк чуть не всхлипнул. – Не в том, что учёные, переводя даты, ошиблись! Ужас в том, что началась всемирная истерия. А все мысли и чувства накапливаются в своих эгрегорах. Вот теперь образовался эгрегор конца света. Эдак и вправду случится Апокалипсис!

– Для когокак! – По лицу парня поползла плотоядная ухмылка. – У каждого свои время

и интерес. У меня, понятно, свой. Для меня это просто работа. Сделаю – буду считать себя гением. Брошу вас всех – уйду на спокойное житьё. Буду шесть раз в день есть бифштекс с кровью.

– Да ты вампир, батенька! – Сим Семыч поднялся. Действительно, он же обещал приготовить ужин. – Между прочим, за парным мясом пришлось гонять в центр. Сюда, на окраину, таких деликатесов не завозят. И почему ты не пожелал остановиться у меня на Остоженке?

– Потому что След оборвался где-то здесь!

– Надеюсь, ты не ошибся с местом. Я с таким трудом снял здесь квартиру.

– Стоп! Замолчи! – Парень вскочил с постели, торопливо набрасывая халат. – Включи ноут!

– Ты почувствовал? Есть След? – Историк торопливо защёлкал мышкой.

– Да! – Собеседник бесцеремонно толкнул его со стула и взялся на ноут сам.

– Объяснить не хочешь?

Но парень уже углубился в дебри Интернета.

– Конечно, ты же у нас гений и никогда не ошибаешься, – проворчал Сим Семыч.

Парень оторвался от ноутбука и взглянул на обиженного партнёра:

– Я просто почувствовал. Я же эмпат. Мне положено чувствовать. Я почувствовал боль.

А потом вот здесь, – парень показал на свой палец, – появилась кровь.

– Ну да, конечно, кровь! – фыркнул историк. – Ты точно вампир!

– Прекрати! – взвился парень. – Вампиры – бабьи сказки! Персонажи кино. А боль и кровь – это эмоции. Я их чувствую. И не мешай – я ищу! – Худые уставшие пальцы запрыгали по клавиатуре. – Где тут у вас карта? А, вот. И масштаб. Подробнее! Ещё! Тут! – Худющий палец упёрся в дом. – Это здесь!

– Тогда твоя работа сделана. Остальное – моё дело! – Теперь баритон согнал напарника со стула. – Ложись! Тебе надо выспаться. Ты уже четвёртый день не спишь. Как говорят в наших сказках, утро вечера мудренее!

– Или мудрёнее! – прошептал парень и прямо в халате растянулся под одеялом. – Мясо отменяется. Я лучше посплю!

Сим Семыч выключил свет, перешёл в кухню и, вынув из кармана мобильник, набрал номер:

– Это я! Срочно погляди, какие каналы ловятся по антенне и кабелю... – Он назвал улицу и номер дома. – И что там сегодня по программе.

Через пару минут ему перезвонили. Сим Семыч записал что-то и присел к столу, сосредоточенно глядя на свои каракули.

– Так-так... – загудел он себе под нос. – Это мы отмечаем. Это порядочные люди не смотрят. Этот кабельный канал тоже мимо. Тут продажи. А, вот! – Историк удовлетворённо хмыкнул и набрал другой номер. – Срочно вставь мой клип в «Аферу». Ну да, в голливудский фильм с Полом Ньюменом. – Потом он опять потыкал в клавиши мобильного и отдал новый приказ: – Привет, рекламщик! Нет, я не о клипе. Его уже вставляют в фильм. А тебе придётся срочно разнести наши рекламки по адресу... – И он продиктовал адрес. – И не завтра, а сей миг!.

Отдав и этот приказ, историк отправился в свою комнату и стал рыться в многочисленных книгах.

– Хорошо, что парень уснул, – прошептал он. – Нельзя не спать столько. А у меня есть

ещё одно дельце. Итак, будем искать. Это не подойдёт. Это ненадёжно. А вот это вполне. Нужно только перевести на русский язык.

А на другом конце города в старом сталинском доме на пятом этаже (опять же самый комфорт!) зажёгся свет. Дама лет семидесяти, накинув по-старинному роскошный шифоновый пеньюар цвета нежной сирени, степенно перешла в кухню «испытать кофею». Пеньюар достался ей ещё от бабушки, но выглядел как новенький, нигде не протёршийся и не утративший красок. Кофе ей привозила домработница Поля, говорливая тётя лет пятидесяти, только из магазина «Чай. Кофе» на Мясницкой. Да-да, дама вполне могла себе позволить домработницу. Средства имелись. Да и тратить их было особенно не на что. Дама не гналась за брендовой одеждой, но вот без брендовой еды жить не могла. А с такой едой в их районе была напряжённость – все улицы оказались забиты странными магазинами: «Пятёрочками», «Копейками», ещё какими-то – всех и не упомнишь. Зато Алла Михайловна (именно так звали даму преклонных лет) с первого посещения запомнила, что покупать в таких магазинах ничего не следует. А как иначе?! Там же продукты внавал – валяются прямо в ящиках, не разобранные, неприглядные. Вытаскивай сама из ящика, что захочется. Ну что за плебейские замашки – ползать по полу, копаться в грудё чего-то малопривлекательного?! Но теперь, увы, говорят, что это удобно – магазин не платит ни грузчикам, ни фасовщикам, ни лишним продавцам, отсюда продукты намного дешевле. Но разве эту грудё мешанины вообще можно назвать продуктами?!

Вот и приходится посылать Полю то в центр, то за МКАД, где возвышаются огромные дорогие супермаркеты. Надо же что-то кушать!

Но дело, задуманное Аллой Михайловной на сегодня, невозможно осуществить с помощью Поли. Аллочка дала слово подруге, что о нём не узнает ни одна живая душа. Хотя, конечно, когда Поля по пять раз переспрашивает хозяйку о чём-либо или когда несётся к телевизору посмотреть свой любимый надрывный сериал, можно усомниться, что у неё есть душа. Ну не станет же такая трепетная субстанция глядеть на героев-идиотов, которые только и делают, что теряют детей, впадают в кому или едут в Нью-Йорк, «чтобы подумать»! Так что даже если душа Поли и существует, то давно уже впала в кому, как её любимые героини телеэкрана. А коли душа спит, может, Поле и можно было бы поручить столь ответственное дело, но – ладно уж – придётся ехать самой. Конечно, далековато, но что поделаешь. В конце концов, Алла ещё крепка, и ни у одной соседки язык не повернулся назвать её старухой или тем паче – бабкой. Нет, слава богу, она никогда и бабушкой-то не была – ещё с юности решила, что детей не хочет. А чтобы не стать старухой в свои семьдесят, она занимается дома на тренажёрах, иногда даже ходит в бассейн и заглядывает в местный спортклуб. Или это теперь как-то по-иному называется? Что ж, Аллочка не помнит нынешних названий, да и стоит ли запоминать? За её жизнь сменилось столько направлений – шведская стенка, пластичка, ритмическая гимнастика, аэробика. И к чему всё это запоминать?! В жизни стоит помнить только главное.

Сев в кресло у порога, Аллочка, осторожно нагибаясь, надела на ноги модные ныне ботильоны. Тоже мне название, раньше говорили проще – ботики. Хотя, правда, шили их тогда из резины, а теперь из кожи. Но ведь фасон один! Потом, осторожно поднявшись, накинула лёгкую шубку чуть выше колен. Особо кутаться не следует – внизу её ждёт такси. Не ходить же ей ногами по переходам метро!

Слава богу, таксист попался спокойный, ненужными разговорами не мучил, недаром же новая приятельница Виктоша посоветовала заказать машину именно в этой фирме. Аллочка

достала из внутреннего кармана шуршащий бордовый пакет (такие дают в сети магазинов «Л'Этуаль», где она покупает французский «Пуазон», любимые духи от Диора). В пакете, надёжно упакованная, лежала старая простенькая тетрадь. Та самая, которую по завету Варвары Петровны следовало передать её внучке Риночке ещё три дня назад. Но тогда у Аллочки разыгралась её знаменитая мигрень, и поездку пришлось отложить. Ну да, думается, три дня ничего не решают.

Опустив пакет обратно в объёмный внутренний карман, Аллочка слегка вздохнула. Она не видела Риночку лет пять. Наверное, та будет поражена её неотвратимо надвигающимися годами и той маской, что время надевает на людей. Сколько ни скупай дорогую косметику, ни делай уколов и подтяжек, время своё возьмёт. А если уж очень рьяно кидаться с ним бороться, оно может вообще сделать пугалом, от которого люди будут шараться. Взять хотя бы нынешних артисток! Ну прошли они курс омоложения стволовыми клетками – и что? Да, кто-то стал выглядеть лет на двадцать моложе, но старческая походка с дрожанием ног всё равно остались. И как же это смешно да ещё и отвратительно, когда кукла без морщин на личике по-старчески шаркает ногами! А ведь бывает и хуже – сколько таких омоложенных отправилось на тот свет. Нет, время не обманешь! Во всём – даже в стремлении к молодости – необходимо соблюдать безопасную меру. А Аллочка свою меру давно знает.

Она всегда осторожна. Вот и сейчас вышла из такси за пару домов от Риночкиного. Как хорошо, что такси добралось быстро. Аллочка глянула на свои часики – всего-то тридцать три минуты. Расправив плечи, постаралась зашагать как можно более плавно – не семенить, не дёргаться, не шаркать ногами. Что ж, у неё вполне получается – ей ещё рано прибаваться к клубу бабок на лавочке перед домом. Аллочка улыбнулась таким приятным мыслям и вдруг услышала за собой шаги. Она не стала оборачиваться, но прибавила шаг. Не потому, что испугалась, просто с детства не любила, когда кто-то шёл сзади. Сейчас прохожий немного отстанет, и Аллочка не будет слышать его раздражающих шагов.

Но всё пошло по-другому. Прохожий тоже прибавил шаг. Аллочке захотелось обернуться и поглядеть – кто это там? Но хорошие манеры не позволяли. Она просто убыстрила темп. Но незнакомец не отстал. И тут, не выдержав, Аллочка оглянулась. Показалось, что преследующий её человек похож на таксиста, который вёз её сюда. А может, она ошибается? В неясном свете утренних фонарей видно неотчётливо. Но если это таксист... Аллочка вспомнила, как доставала старинную тетрадку. Может, он видел? Но, кажется, она не разворачивала пакет из «Л'Этуаль»? Или разворачивала? Ох, память проклятая: что было полвека назад – помнится, а вот что случилось пять минут назад.

Аллочка, вздохнув поглубже и призвав на помощь всех божьих угодников, рванула к подъезду. Слава богу, там был простенький кодовый замок. Она быстро нажала четыре цифры, те звонко закрипели, но поддались, и Аллочка влетела в подъезд, громко хлопнув дверью. Она в безопасности! Вряд ли её преследователь знает тайну кода.

Дама прислонилась к почтовым ящикам, пытаясь отдышаться. Через пару секунд сообразила – надо вызвать лифт. На седьмой этаж, где живёт Риночка, ей пешком не добраться. Кнопка лифта загорелась, сам он где-то в вышине тронулся с места, но в ту же секунду Аллочка услышала металлические звуки – её преследователь за дверью подбирал код, нажимая на разные цифры. Аллочка ужаснулась и воззрилась на двери лифта. Он всё ещё гудел где-то наверху. «Не успеет! – в отчаянии подумала Аллочка. – Какой ужас!»

Как всегда, в особо поворотные моменты человек думает о главном. Аллочка вытащила пакет «Л'Этуаль» и запихнула его – нет, не в Риночкин ящик, а в ящик на другой стороне

вестибюля – там в квартире сто девять на первом этаже жила соседка, с которой, как знала Аллочка, дружила и Варвара Петровна, и сама Риночка. Так что девочке передадут пакет.

И в этот миг пришёл наконец лифт. Аллочка с юной прытью вскочила в него и нажала кнопку седьмого этажа. Двери закрылись – теперь-то она точно в безопасности! Старушка (а после пережитого она точно почувствовала свой возраст) прислонилась к стенке спасительного убежища. Даже если преследователь сумеет открыть код на входной двери, он не перегонит лифт, взбегая на седьмой этаж. Аллочка вполне успеет нажать на звонки всех квартир, не только Риночкиной. Кто-нибудь да выйдет!

Мысли текли уже вполне спокойно. Дыхание выровнялось. Чего беспокоиться – всё обошлось. Она расскажет Риночке, где тетрадь, и вместе они сходят в сто девятую квартиру и попросят ключ от почтового ящика. Потом Аллочка расскажет Риночке всё, что знает, чтобы девочка понимала, что может произойти в её жизни и как тогда следует поступать. По крайней мере – не бояться. А то ведь девочка может испугаться до смерти. Вон как Аллочка перепугалась...

Конечно, лучше было бы, если б сама Варенька рассказала всё внучке. Но вот, увы, не успела. Умерла неожиданно во сне. Хотя могла бы поведать всю эту странную родовую историю дочери Светлине. Ну надо же было так исковеркать имя – не Светлана, а Светлина! Впрочем, в отношении имён Варенька всегда отличалась странностями. Дочку назвала Светлиной, хоть и звала всегда Веткой, а внучку – Риной. Аллочка так и не поняла, от какого имени образовано это уменьшительное – то ли от Ирины, то ли от Екатерины. В общем, странное семейство! С фамильными тайнами, старинными историями. Впрочем, это не Аллочкино дело. Её дело – передать тетрадь. Жаль, что Варенька не захотела сама всё рассказать своей Светлине. Тогда Аллочке не пришлось бы ни свет ни заря тащиться на другой конец просыпающегося города. Хотя Аллочка понимала, отчего Варенька не захотела этого сделать. Вета же шептунья – у неё одни парни на уме да путешествия всякие. Сексистка-экстре-малка! Точно Варенька определила дочку: «У Ветки шило в одном месте!» Действительно, уже в двадцать лет Светлина выскочила замуж за такого же экстремала, а в двадцать один родила Риночку. Сидеть с ребёнком не стала, а спланировала Вареньке. А через три года вообще развелась, видно, и экстремал надоел.

В общем, как сетовала Варенька, дочура её так и осталась девочкой-переростком. Одни гулянки по жизни на уме. И чем старше становилась, тем чаще вела себя, как ведут только в юности. Вот и сейчас укатила с очередным, прости господи, любовником встречать Рождество в Злату Прагу. Благо деньжата у неё водились, она слыла отличным переводчиком-синхронистом, работая на разных презентациях.

Ну разве такой можно было доверять семейные тайны?!

Аллочка покачала головой – это уж точно не её дело. Конечно, неправильно уезжать, когда со дня похорон Вареньки прошло всего-то месяц. Да и оставлять дочку одну в пустой квартире тоже нехорошо. Может, пригласить Риночку к себе? Человек не должен справлять Новый год в одиночестве...

Мысли остановились, и старушка очнулась. Сколько же времени она едет в лифте, раз сумела так много повспоминать и передумать?! Аллочка поглядела на часы. Ого! Да она застряла. Хотя лифт-то всё едет... Но ведь он едет уже пятнадцать минут. Ну и ну! Что делается со временем – оно куда-то исчезает. Вот вчера посмотрела очередную серию «Глухаря» (ах, какой там мальчик приятный, фамилию, конечно, не упомнишь, но зовут Максим!) – фильм идёт от силы два часа. Но выяснилось, что прошло три. Хотя, может,

показывали две серии, а она не заметила? Или это у неё что-то старческое и она сама путается? Не может же время останавливаться, растягиваться и сжиматься. «Время же – вещь постоянная. Даже устойчивее материи. Можно изменить ландшафт, засеять поле, построить дома, но время изменить невозможно», – подумала Аллочка, и тут лифт остановился.

Двери раскрылись. И на выходящую Аллочку надвинулось что-то чёрное, страшное. Человек в чёрном балахоне протянул руку и острыми пальцами нажал на шею старушки. Та даже не охнула, а просто осела ему на руки. Чёрный подхватил её под руки и втащил обратно в лифт. Там быстро залез во внутренний карман шубы, чертыхнулся, ничего не обнаружив. Подумал: «Придётся взять в машину и там обыскать!»

Легко, словно невесомую, он приподнял грузную даму Аллочку и потащил к машине. Там, словно зверь, разорвал шубу и обыскал. Ничего! Никакого пакета, никакой тетради!

В гневе выскочил из машины и ворвался в подъезд. Прикинул – бабка стояла здесь, возле почтовых ящиков. Вот ящик квартиры, куда она направлялась. Чёрный рванул на себя дверцу. Та с грохотом вылетела из пазов. Дьявольщина – ящик пуст! Хотя, может, бабка с испуга ошиблась и сунула не туда? Вон справа и слева что-то лежит. С непонятно откуда взявшейся звериной силой человек покрушил все ящики рядом. Редкие в наше время письма вместе с грудой рекламных листовок полетели на пол. И в это время из-за двери квартиры первого этажа раздался скрипучий голос:

– Вот хулиганьё! Слышу, что ящики ломаете! Я уже и ДЭЗ и полицию вызвала. Щас будут!

Чёрный чертыхнулся. Будь прокляты все бабки на свете! Ещё одной не спится, не лежится, не терпится. Но придётся уходить. А ну как и вправду кого вызвала? А тетрадка, может, ещё найдётся. Надо подетальней обыскать Аллу. Придётся и одежонку с неё скинуть. Ну чистая мерзость!

Заводя машину, он решил, что отвезёт бабку к лавочке возле ворот парка. Там в такую рань да ещё зимой вряд ли кто есть. Зато остановка автобуса близко. Когда старуха очнётся, то сама туда добредёт. Подлетев к парку и убедившись, что никого кругом нет, он решил, что пора детально обшарить жертву, пока та не очнулась. Мужчина дотронулся до бабки, и вдруг липкий озноб прошёл его позвоночник. Чёрт! Бабуся-то была мертва. Остановив машину, он пощупал пульс, потом приложил пальцы к шее. Да он же не собирался её убивать – только вырубить! Но бабка мертва!

Вот невезуха! Придётся тащиться в лес за город и сбросить её там. Конечно, бояться нечего – никто никогда не раскроет такого преступления, да и не найдут её. Но вот чертовщина: только взялся за дело – и уже труп!..

А в подъезде многоквартирного дома на окраине Москвы осторожно приоткрылась дверь квартиры на первом этаже. Зинаида Никитична, прозванная Общественницей за свою неумную страсть совать нос в чужие дела, называя это общественным долгом, выглянула из-за своей двери, по старинке обитой дерматином. Ничего угрожающего на площадке не обнаружилось, и Зинаида Никитична подошла к лестничному пролёту и поглядела вниз – в холл. Там было чистое бедствие. Весь пол усыпан рекламными бумажками и почтой, вывалившейся из целого пролёта сломанных почтовых ящиков. Точно, хулиган был. Хорошо, что у Зинаиды Никитичны отличный слух. Не спугни она хулиганьё, все бы ящики поломали.

Пенсионерка спустилась вниз. Не обращая внимания на свою старческую спину, собрала вывалившиеся бумажки и рассортировала. О какой спине думать, если общественный долг требует жертв? Ведь среди дрянной рекламы есть и настоящие письма. Хотя теперь их

редко посылают. Но ведь кто-то всё-таки пишет. Вдруг что важное?

Пенсионерка сложила письма аккуратной стопочкой на столике, который жильцы притащили, чтобы оставлять там ненужную одежду и вещи – вдруг кому понадобится? Хорошее дело, одобрила тогда Зинаида. Не все же сыром в масле катаются, есть и простые люди, которым и ношенная одежонка пригодится. Вот теперь есть куда сложить письма, чтоб не потерялись. А уж ящики, конечно, придётся вешать новые. Но это не за счёт самих жильцов. Зинаида знает народные права – это работа ДЭЗа, или как он теперь называется... Она сама позвонит туда. Её, Общественницу, любой диспетчер побаивается. Придут и починят, как миленькие!

Зинаида Никитична поглядела на свой ящик. Слава богу, их секция висела на отшибе – на противоположной стене. Туда хулиганье не добралось. Вовремя их Зинаида спугнула.

Пенсионерка подошла к своему ящику. Надо же, почту ещё не приносили, ведь всего-то шесть утра, а в прорезях ящика что-то белеется. Зинаида достала ключ, открыла ящик. В руки выпала рекламная бумажка, родственница тех, которые она только что, собрав с пола, не глядя выбросила в мусоропровод. А куда ещё девать рекламу? Но сейчас Зинаида всё-таки посмотрела на гляцевую страницу. «Красавица и Чудовище» – реклама нового фильма. И фото – парень стоит с цветком в руке. Цветок – не роза, но всё равно красивый. А уж сам парень – чисто картинка! Жаль только, что весь в чёрном. Пальто новомодное. Воротник поднят. Похож на героя Баталова из фильма «Москва слезам не верит». Тот тоже щеголял в модном плаще, только светло-коричневом. Но воротник так же был поднят, и полы разлетались. Красавчик!

Не стоит такого выкидывать в помойку. Лучше повесить на стенку в кухне и любоваться каждый день. За завтраком, обедом и ужином. При взгляде на эдакое чудо красоты покажется вкусной даже вечная вермишель, которую вынуждена чуть не каждый день есть пенсионерка. На другую-то еду за сорок лет работы в горячем цехе Зинаида Никитична, видать, не заработала...

Пенсионерка бережно расправила гляцевую рекламу и тут разглядела, что во тьме её ящика лежит ещё что-то, завёрнутое в тёмно-вишнёвый пакет с непонятной надписью «Л'Этуаль».

– Это что за зверь такой, чудище почтовое? – спросила себя Зинаида.

Развернула пакет. Там тетрадочка из тех старых, ещё советских времён, по две копейки в линейку и по три в клеточку. Надо же! А в тетради – Зинаида пригляделась – почерк соседки покойной (упокой, Господь, её душу грешную!) Варвары. Это как же её тетрадка в ящике Зинаиды оказалась?

Пенсионерка напрягла зрение – хоть и получила она дальновзоркость, но видит ещё неплохо – и прочла «Для моей внучки Рины Каретниковой».

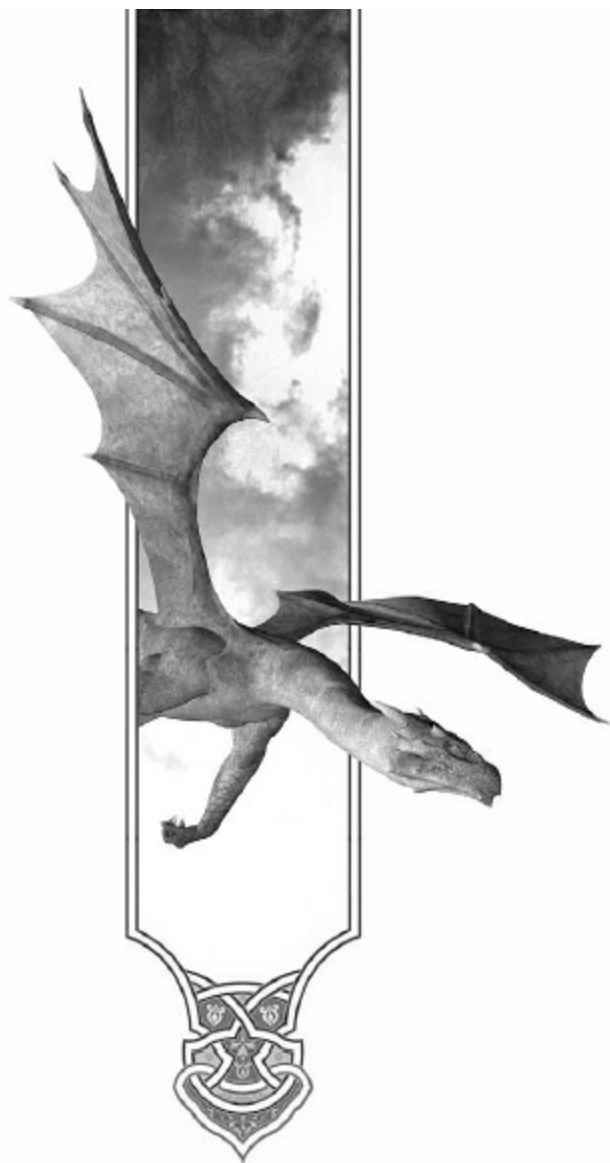
– Это ж как работает почта нынешняя – без марок принесли и просто в пакете! Жаль, квартирой ошиблись. Ну да ладно – передам утречком.

...Только передать, как надо было бы, не удалось. Едва Зинаида вернулась в свою квартиру, её схватил такой радикулит, что она аж застонала от боли. Понятно, сама виновата, дурёха! Не стоило ползать по полу, собирая разбросанную почту. Вот и расплачивайся теперь. Куда там идти на седьмой этаж, хоть и пользуясь лифтом! Зинаида, как улеглась на диван, так там и осталась. От боли ничего не хотелось – ни есть, ни пить. Потом кое-как поднялась, выпила таблетку ибупрофена. Боль утихла, и Зинаида Никитична заснула, не вспоминая ни про какую тетрадь в пакете «Л'Этуаль».

III

Дневной город:

Аленький цветочек для призраков прошлого

Жанна-Мари Лепренс де Бомон (*Jeanne-Marie Leprince de Beaumont*, урождённая *Vaimbault*; 26 апреля 1711, Руан – 8 сентября 1780, Шавано) – французская писательница и педагог, прабабушка Проспера Мериме. Происходила из мелкопоместного дворянства. В 1744 году её выдали замуж по сговору родителей, однако муж скончался, и в 1746 году она уехала в Лондон.

Таковой эмиграционной поездке способствовало и то, что нежный друг мадам де Бомон – французский писатель Клод Проспер Желиот Кребийон-Младший – к тому времени попал в опалу.

В Англии мадам де Бомон организовала школу для воспитания девочек из аристократических семейств. В эпоху Просвещения её педагогическая система, проникнутая, как она хотела, «духом уважения к ребёнку, знаниями и преклонением перед книгой», получила широкое распространение.

Сама мадам де Бомон выступала не просто как педагог, но ещё и как писательница. Много лет она издавала журнал для девочек, писала школьные учебники. Но наибольшим

успехом пользовалась одна из её сказок, ставшая бессмертной, – «Красавица и Чудовище». Эта сказка впервые была опубликована в 1756 году в четырёхтомнике под названием «Детский журнал, или Диалоги между разумной гувернанткой и несколькими её воспитанницами». При этом гувернантка носила имя мадам Приветливость.

Нравоучительные истории мадам Приветливость произвели в Европе фурор. В 1757 году четырёхтомник мадам де Бомон был переведён с французского на английский, вскоре – на немецкий. Вообще же писательница отличалась плодотворностью: в её творческом багаже более семидесяти сочинений – от романов до небольших эссе.

В Англии писательница вполне счастливо вышла замуж за Томаса Пичона и стала матерью шестерых детей. В 1763 году, после семнадцати лет пребывания в Англии, Лепренс де Бомон уехала на континент, последние годы провела в Савойе.

По биографическим материалам Wiki и др.

Утром Рина обнаружила, что проспала без сновидений или, по крайней мере, их не запомнила. Вставать не хотелось. Да и куда было торопиться? Неделю назад она уволилась из издательства, где и проработала-то редактором всего два месяца. История увольнения была до того хреновой, что о ней и вспоминать не хотелось. Говорила же ей ещё живая тогда бабушка Варя:

– Не ходи ты в это издательство! Поищи что получше.

– Почему?

– Уж больно странное заведение. Как это можно – одни бабы работают?!

Действительно, в крошечном издательстве, куда устроилась Ринка, мужчин не было. Заправляла всем некая Виктория Викторовна Игнатова, дама предпенсионного возраста, редакторша старой закалки. Поговаривали, что в советские времена она работала в Политиздате. Попастъ в такое элитное учреждение было сложно, но у Игнатовой в родне имелись какие-то шишки, а один предок даже в легендарной ЧК работал. Так что немудрено, что Виктория Викторовна попала в почти секретный отдел, где печатались труды самой высокой сложности – работы Маркса, Энгельса и Ленина. Об этом отделе ходили легенды. Говорили, что одних корректоров там было пятнадцать человек! И все читали вёрстки политкниг друг за другом. Чтобы ни одной ошибки не проскочило. Это сейчас «корову» можно напечатать через «а» и никому за это не попадёт. Да и читатели не заметят. А тогда всё было иначе. Читатели слали письма мешками, если вдруг замечали что-то не то. Редакторов же и корректоров вполне могли выгнать с волчьим билетом за любую ошибку. Но в отделе Политиздата, где трудилась Виктория Викторовна, было по-иному. Вычитывая гранки и вёрстки, редактор или корректор, нашедший ошибку, поощрялся по полной программе – премия, заказ, возможность купить что-то вне очереди. Таким образом люди не запугивались, а, напротив, стремились работать лучше. Короче – элитный отдел. Немудрено, что Виктория Викторовна поняла раньше коллег, куда ветер дует. Ещё когда СССР пребывал в здравии, она организовала издательский кооператив, а когда советская власть рухнула, переделала его в издательство. Но драться за миллионы, как поступали тогда все новые русские, осторожная Виктория не стала. Захватывать издательский рынок не стремилась. Зато и к её скромному издательству никто не цеплялся – ни власть, ни братки. Никто и не думал, что такое крошечное дельце приносит золотые горы.

Ринка и сама так не думала. Хотя зарплату ей предложили весьма высокую. Правда, оказалось, что большая часть её будет в премиальных выплатах. В первый же день, усевшись за свой стол, Ринка начала выпрашивать у коллеги, чей стол стоял напротив, из чего

складываются эти премиальные. Но редакторша Катенька отвечала уклончиво, а когда Ринка на неё надела, вообще запуталась. Правда, Ринка сразу поняла, что Катенька – существо достаточно путаное. Частенько она, сидя за столом, просто смотрела в одну точку. Вернее, на картину на стене. Там был изображён фантастический замок, похожий на работы Томаса Кинкейда, волшебного живописца, которого Ринка любила всем сердцем. И теперь, видя на работе, как Катенька сверлит взглядом кинкейдовский замок, Ринка даже подумала: а вдруг в его стене образуется дыра или какой кирпич выпадет – тогда фантастический и прекрасный замок вообще рухнет? А ещё может статься, от Катенькиного неподвижного взгляда картина вообще свалится со стены. Но видно, Катенька не обладала магическими способностями – замок сиял волшебным светом и по-прежнему висел прочно.

Катенька вообще представлялась Ринке странной. Было ей уже лет тридцать, но все, и даже Виктория, звали её Катенькой и вели себя так, будто девушка и впрямь имела годков десять от роду. Впрочем, в этом издательстве Катенька действительно была самой молодой. Остальные, включая Викторину, представляли предпенсионный и запенсионный возраст. Но ведь и авторы были не моложе! И совершенно удивительным являлось то, что весь этот пенсионный издательский междусобойчик приносил стабильный доход. То ли за это, то ли за что иное, но сотрудницы издательства были весьма преданы Виктории. Ну а Катенька на неё чуть не молилась. Ринка сразу поняла, что эта девушка была весьма внушаема. Да и вела она себя непривычно – то ли как древняя, выживающая из ума старуха, то ли как, наоборот, пятилетка несмышлёная. Устав глазеть на картину, могла запросто заснуть, сидя за столом. Вот это способности! Сама Ринка засыпала плохо, с трудом, а тут – чемпионка по мгновенному засыпанию! А иногда, напротив, Катенька вскакивала и начинала бесцельно бродить по длинному коридору издательства.

Впрочем, Ринка быстро убедилась, что с мозгами у коллеги всё в порядке. Поглазев на замок, поспав за столом и побегав по коридору, Катенька хваталась за рукопись и за пару часов могла отредактировать самый ужасающий авторский текст, сделав его блестящим и увлекательным. То есть она была из тех, кого в издательских кругах называют редактором от Бога. Хотя Ринка думала иначе.

– Мне кажется, – осторожно сказала она однажды, – тебе надо бы самой писать книги, а не редактировать чужие.

Катенька недоумённо подняла брови:

– А зачем?! Вон уже сколько их, этих книг, написано. – И она махнула рукой в сторону книжного шкафа. – Зачем писать новые-то?

– Но ведь другие пишут. – Ринка похлопала по пухлой рукописи, которую правила с огромным усилием.

– А это всё приятельницы нашей Виктории Викторовны, – проговорила Катенька. – Им всё равно делать нечего.

– Зато они деньги получают!

Катенька сонно поглядела на коллегу и удивилась:

– Какие деньги?

– Авторские гонорары!

– Так это копейки. – И Катенька объяснила вполне убедительно: – Наши авторши в деньгах не нуждаются. Они все давно за прилично получающими мужьями, а книжки – вроде хобби. Они часто даже приплачивают, чтобы книга вышла.

– Но ведь тираж надо продать! – не сдалась Ринка. – Если книги неинтересные, их же не

купят!

– А авторши сами полтиража возьмут, чтобы знакомым раздарить и похвастаться, – почти сонно процедила Катенька. – Но об этом распространяться не нужно...

В общем, сонная товарка ничему не могла научить Рину, а заходить к другим редакторам Рина не отваживалась. Однажды Виктория Викторовна застала её под дверью чужой комнаты и отчитала сердито:

– У нас заходить друг к другу не принято. У каждого своё дело! А вояжи отрывают от работы!

Она так и сказала по-старинному – вояжи. Как будто Рина хотела зайти не в кабинет через стенку, а отправиться куда-то в дальнее путешествие!..

Встречались сотрудники только на пятиминутке по утрам во вторник. Понедельник Виктория Викторовна резонно считала тяжёлым днём и на него никаких мероприятий не назначала.

Тот вторник Ринка окрестила про себя «чёрным». Тогда был день зарплаты, которую всем выдавали под роспись в конвертах. Конверты не вскрывали при всех – увидеть сумму коллеги считалось неприличным. Но пока Виктория говорила что-то долго и нудно (это на пяти-минутке-то!), Рина осторожненько вскрыла свой конвертик. Там лежало две бумажки по пять тысяч. То есть всего десять тысяч рублей!

Остальное разглагольствование Виктории Ринка уже не слышала. Сразу же после окончания пятиминутки она ворвалась в бухгалтерию и сунула бухгалтерше Ольге Ивановне конверт:

– Вы ошиблись и выдали мне не всю сумму!

Бухгалтерша сняла очки и мигнула:

– Нет, всё верно! Просто у вас в этом месяце большие штрафы.

– Какие штрафы?!

– Уж не знаю, – протянула бухгалтерша. – Вас же знакомили с уставом внутреннего распорядка, и бумаги вы подписывали... Вот, у меня всё в сохранности!

Ольга Ивановна полезла в ящик стола, будто там, уже зная, что Рина придёт разбираться, заранее приготовила нужную папочку. И точно – папочка тотчас нашлась.

– Вот! – Бухгалтерша стукнула пальчиком. – Ваша подпись!

– Но я работала, как и в прошлом месяце, – ахнула Ринка. – За что же штрафовать?

– Ну, не знаю, – снова протянула бухгалтерша. – Штрафы Виктория Викторовна выписывает. Вы к ней и обратитесь! Спросите прямо – вдруг она в вас ошиблась?

Ринка вылетела в коридор. И только странное построение фразы зацепилось в голове – как это «она в вас ошиблась»? Словно главред оценивала Ринку не по профессиональным качествам, а по каким-то непонятным личным. Будто что-то ждала, а Ринка не сделала?.. И Катенька часто смотрела на неё, будто тоже чего-то ждала, а Ринка всё не делала...

«Господи! – ахнула про себя девушка. – Надо было, наверное, дать откат за то, что приняли на работу. А я, дура, всего два торта принесла!»

– Извините меня, Виктория Викторовна! – выпалила Рина, вбежав в кабинет главредши. – Я мало смыслю... Даже бабушка считает, что я не от мира сего... Но я поняла... Штрафы, что вы с меня списали, подсказали, что я неправильно себя вела. Но я исправлюсь. Я в долг возьму и исправлюсь!

Виктория Викторовна оторвалась от рукописи и внимательно взглянула на Рину:

– Что вы такое говорите, Риина Игоревна?

При этом она произнесла имя Рины так, как оно было написано в паспорте – с двумя «и» – Риина. Это у бабушки оказалась такая фантазия. Она ходила регистрировать Рину и настояла на удвоенной гласной. Бог её знает, какая шлея ей под хвост попала. А паспортистка так и записала. Но никто никогда, даже сама бабушка, не называл так Рину! И Ринка не воспринимает это имя как своё. А вот проклятая Виктория Викторовна, видно, хочет её уколоть.

– Но что я такого сделала?! – кинулась в наступление Ринка. – План выполняю, на работу прихожу вовремя! Отношения у меня со всеми ровные! С авторами осложнений нет!

– Да?! – загадочно и хищно улыбнулась Виктория. – А вот Маркелова на вас пожаловалась, что вы в её книге «Клубок и нитка» два рисунка местами перепутали.

– Маркелова на меня пожаловалась? – не поверила Рина. – Да я к этой бабушке два раза домой ездила. Мы её рукопись чуть не вылизали. И все рисунки были на своих местах!

– Да Бог с ней, с Маркеловой! – устало проговорила Виктория и посмотрела на Ринку так, будто именно она, Риина Каретникова, виновата лично перед начальницей. Ну не оправдала её надежд! Но что за чушь?!

Конечно – чушь! Но почему-то захотелось оправдаться. И Ринка пролепетала:

– Там столько ниточек...

– И вы их растеряли! – мертвенным голосом подытожила Виктория Викторовна и повторила: – Да Бог с ней, с Маркеловой! Вы не представляете, Риина, как я на вас надеялась!

– Я отдам вам с процентами! – пролепетала девушка. – Возьму в долг и отдам! Мне правда жаль...

Ей действительно стало жаль эту страдающую Викторину. Вот всегда с ней, Риной, так! Ещё бабушка говорила: «Не становись на сторону другого человека! Не воспринимай всё с его стороны. Есть же и твоя сторона!»

Сторона-то есть, но Рина ничего поделать с собой не могла. Она всегда ставила себя на место другого и переживала вместе с ним. Не хотела, но переживала!

Но Виктория Викторовна не слышала её сочувствия.

– Что ты можешь мне отдать?! – взорвалась она. – Время?

– Какое время? – не поняла Рина.

– Твоё и моё! Мы же затратили СВОЁ время! Его уже не вернёшь...

– Время?.. Вы думаете, я медленно работаю? – догадалась наконец Рина. – Я буду редактировать быстрее. Я всё сумею!

– Всё?! Увы, ты не сумеешь! Ведь ты ничегошеньки не знаешь, как выяснилось! Я дала тебе историю литературной сказки. Но ты сдала её на вёрстку, не заметив, что английская сказка о принце Чёрном Быке Норроу-эйском создана задолго до французской сказки «Красавица и Чудовище». Неужели ты не знала, когда мадам де Бомон написала эту сказку?

– Но почему я должна это знать?! – Рина недоумённо уставилась на начальницу.

Та тяжело дышала и смотрела на Ринку с таким гневом, будто юная редакторша украла у неё нечто ценное или обманула в лучших чувствах.

Да что же это?! Это же бред. Бред! Какие ещё Чёрный Бык и Красавица с Чудовищем?! Ни один редактор не может навскидку знать всё! Главное – знать, где и у кого проверить. Что такого, если редактор лазит в Википедию? Куда ещё обращаться?! Видно, Виктория ищет такого профессионала, чтобы назубок знал все тома энциклопедии. Но где ж такого взять-то?! К тому же незаметно, чтобы вечно спящая Катенька обладала широкими познаниями.

Хотя однажды она сказала загадочную фразу:

– Тебя выбрала сама Виктория Викторовна. Ей виднее. Она ведь у нас победительница вдвойне.

Победительница вдвойне – это понятно. И Виктория и Виктор означают Победу. Но почему она выбрала её, Ринку? И почему теперь так гневается?!

Впрочем, какая разница – почему? Ринка уже не может слышать всего этого бреда. Пусть как хотят – но без неё! Вылетев из кабинета начальницы, она ворвалась в свою комнату. Как ни странно, Катенька не спала, не витала в облаках. Она с каким-то изощрённым вниманием уставилась на Рину. Наверное, уже знает, что коллега не продержится здесь долго. Но почему во взгляде Ка-теньки явно читается старательно прикрытая жалость? Неужели Катенька жалеет Рину? Или, скорее, она жалеет что-то своё, что ожидалось, но не случилось...

Ох нет, надо перестать становиться на место других людей, прекратить жалеть всех подряд! Ну что за идиотская привычка! «Сейчас это не модно!» – как сказала бы мамуля. А как это называется? Ах да, эмпатия. Способность улавливать чувства других. У Риной она явно бьёт через край.

– Что с тобой? – спросила Катенька, от любопытства даже перегнувшись через стол.

– Ничего! – вскипела Рина. – Мне просто сказали, что про разных красавиц с чудовищами я должна знать всё наизусть.

– Конечно, ты должна знать, если ты – Риина...

Катенька произнесла имя как Виктория – с удвоенным «и». Точно, все они тут – одна шайка! По их выходит, что Рина должна знать, а вот Тане или Мане – не обязательно. Это что за странный подход?! Может, они тут все с ума посходили на предпенсионном рубеже?! И на фига тогда с ними быть?!

Рина схватила ручку и набросала заявление об уходе. Потом сгребла со стола свои бумажки, ручки, блокноты. Вот так она и оказалась свободной.

На первое время мать обещала подбрасывать деньги. Но, конечно, работу искать надо. Хотя какие поиски сейчас – под Новый год?! Никто ни о чём, кроме праздника, и думать не станет.

В общем, всё как всегда: у кого-то праздники, а у кого-то полная невезуха, при которой и праздновать-то не стоит. И это идиотское ощущение то ли будущей потери, то ли приобретения...

Ринка включила компьютер – поглядеть новости. Проглядела заголовки, остановилась на одном: «Любимая актриса выступает на подиуме». Щёлкнула мышкой, начала читать и чуть не сползла со стула. Действительно, актриса, любимая миллионами – и Риной тоже. Но как это – выступает на подиуме?! И почему новость помечена вчерашним числом?! Как эта дива вообще может где-то выступать, когда Рина очень хорошо помнит, что месяц назад её не стало. Она умерла! И Ринка видела съёмки с её пышных похорон. И вот этот дядечка, который на вчерашней фотографии поддерживал её под локоток, говорил прочувствованную речь. Да Ринка чуть не разрыдалась тогда, месяц назад. А теперь что получается – покойница демонстрирует наряды?!

Ну и враньё кругом! Как тут не нервничать? Да от таких новостей впору закладывать зубы от страха...

Ринка заварила себе чай – на кофе не отважилась. Вдруг тревога усилится? А зелёный чай «Японская липа» – средство, проверенное временем. Вроде и бодрит, но не слишком. Проглотив пару чашек, почувствовала, что неудержимо захотелось поесть. Чего-то

настоящего. Не бутербродного. Пельмени – у неё же есть пельмени!

Конечно, говорят, что на завтрак горячие пельмени не едят. Но кто говорит? Те, кто пишет модные книги о диете. А ну их – пусть грызут свой модный глянец. Ринка имеет право поесть что хочет и когда хочет. Её некому осуждать. Она одна теперь в доме. И сварит себе пельмешек назло всем пропагандистам «здорового образа жизни».

Больше того! Она отнесёт сейчас тарелку пельмешек в комнату, включит видик, на котором ночью записала «Аферу», и будет смотреть, уплетая горяченькие пельмешки. Красота!

Ринка подхватила тарелку, шагнула в крохотный коридорчик из кухни в комнату и...

Это было невероятно – но её ударили. Прямо по лицу. То есть не на самом деле. Но ощущение было такое, словно ударили сильно. Голова загудела. Коридор перед глазами накренился влево. Ещё миг – и пол поменяется местами с потолком. И тогда пельмени окажутся на полу, то есть на потолке...

Рина привалилась к стене и прижала тарелку к груди. Горячая жидкость выплеснулась на кофточку. Рина очнулась. Что это?!

Перед глазами чернело. Но не чёрными точками, а какой-то большой объёмной чернотой. И из неё возникал силуэт. Мужчина. В чём-то тёмном. Не разобрать. Только глаза блестят напряжённо и сумрачно.

Чёрное наваждение посмотрело прямо на Рину, и она услышала его немой вопрос: «Где ты?!»

Рина отпрянула. Правда, непонятно – куда. Ведь сзади неё была стена. Тарелка упала на пол и разбилась белыми брызгами. Пельмени распрыгались вокруг.

Наваждение пропало. Да и было ли оно? Рина закрыла глаза и беспомощно сползла по стене. Сердце билось с безумной скоростью. А вот дышать она, кажется, не могла – страх сковал. Однажды с ней было такое. Давно, ещё в той жизни, когда бабушка была жива, Рина схватила её заветную шкатулку с «драгоценностями», но не удержала и выронила. Нехитрые бусики, колечки, заколочки, брошки рассыпались по полу. Ринка взвизгнула и кинулась собирать. Рука сама потянулась к бархотке, на которую была приколот старинная булавка с цветочком...

– Не тронь! – закричала бабушка.

И то ли от её крика, то ли от страха у Риной тогда тоже так же закружилась голова. Она вцепилась в бархотку и вдруг почувствовала, что с другой стороны кто-то тянет её на себя. Высокий мужчина ловко выдернул у неё из рук бабушкину «драгоценность» и прошептал:

– Не трогай – не время!

От его тихого низкого голоса стало даже ещё страшнее, чем от бабушкиного крика. Хотя нет – не страшнее! Просто возникло такое чувство, что он станет приказывать ей всю жизнь. Сейчас и потом. Всегда. Словно своим приказным тоном он перекрыл Ринке кислород. Она как сидела на полу, так и завалилась на бок.

Потом уже, когда она очнулась, бабушка объяснила, что никакого мужчины не было, а всё примерещилось. Просто этой старинной булавкой пользовались люди уже многих поколений. Вот один из прежних хозяев и привиделся девочке. Ведь на старинных драгоценностях всегда остаются следы прежних владельцев.

Но всё это старые воспоминания. А сейчас Ринка судорожно задышала и открыла глаза. Конечно же никакого мужчины нет и быть не может. Квартира закрыта на две двери – железную и обычную. На обеих – замки. Да и нет на свете никакого мужчины, который стал

бы искать Ринку, спрашивать: «Где ты?» И весь этот идиотский испуг – просто переутомление. Ей опять привиделось! Слишком уж она впечатлительная! Вот только мужчина из старого наваждения и сегодняшнего, кажется, был тот же самый. Или это ей опять только кажется?

Ринка отлепилась от стены и поплелась в комнату. Кофточка, конечно, испорчена. Но хоть пельмени сохранились и даже не остыли. Но как же так?! Секунду назад она отчётливо видела, как тарелка вырвалась из рук и разбилась в осколки. Но вот – тарелка цела и пельмени – на ней. Выходит, ей точно всё это привиделось. Или она реально сходит с ума?!

Ах, гори всё огнём и пропадай пропадом! Ринка включила «Аферу», записанную ночью. Пошли первые такты озорной и стильной музыки. Титры, выполненные как в старинном кино. Какой шик, какая блестящая подделка под тридцатые годы! Ну право – афера.

Титры кончились. Герой что-то сказал. И наступила рекламная пауза, чтоб ей пусто было! Сначала пошла реклама зубной пасты. Потом по экрану понеслись в дурацкой пляске подгузники и памперсы. Как же без них! И вдруг...

Ринка увидела клип. Парень в длинном чёрном распахнутом пальто быстро шёл по ночному городу. Над его головой зажигались звёзды, отражаясь на ночном мокром асфальте. И потому казалось, парень шёл по звёздам. Но вдруг картинка ожила. Парень действительно шёл по звёздам. Потом побежал. Звёзды пружинили под его ногами. Секунду – и они упадут... И тогда он полетит с этой чудовищной небесной высоты. Или его проглотит космическая темнота. Ринка непроизвольно ахнула. Парень казался до боли знакомым. Как будто она давно знала его. Но где и когда это было?.. Ринка пыталась вспомнить. Напрягалась. Но ничего не выходило. Вернее, вспоминалось совсем не то – тарелка, брызнувшая белыми осколками, и алая кровь, капающая на асфальт. Что за дикость?!

Ринка снова ахнула, выбираясь из столь странных воспоминаний, и увидела, как парень дотянулся одной рукой до красной звезды, и на его ладони расцвёл Аленький цветочек. Вот это да! Ринка опять ахнула. Аленький цветочек явно сфотографировали с гранатового дерева. Может, даже и не карликового, а настоящего. Настолько большим и алым выглядел прекрасный цветок.

Кадр замер и появились титры: «Скоро смотрите фильм». И крупно: «КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ».

Ринка оторопела. Так это была реклама нового фильма?! А она-то разинула рот, забыла про пельмени и даже начала сопереживать парню. Испугалась, что он свалится со звёзд. Но звёзды выдержали.

И тут зазвонил мобильник.

– Рина Каретникова? – спросил мужской голос.

– Yes! – машинально ответила Ринка. Почему-то в последнее время она всегда отвечала «да» по-английски.

– А по-русски вы говорите? – усмехнулась трубка.

– А, простите, с кем? – поинтересовалась Ринка.

– Я – Орлов Леонид Николаевич, директор рекламного агентства. Я прочёл ваше объявление о поисках работы редактора в режиме фриланса. Мне нужно, чтобы вы срочно отредактировали текст – примерно половину печатного листа.

Рина вздохнула – это же крохи. Редактура целого листа стоит хорошо если четыреста рублей. Поэтому работать выгодно только с большими книгами. А тут – половина!.. Да за такие деньги и браться не стоит. Хотя, конечно, нехорошая примета – отказываться от

первого заказчика. Но трубка вдруг произнесла:

– Я заплачу вам...

И господин директор Орлов назвал сумму, равную редакции целой книги.

Вот это да! Это за какие коврижки? Видно, тут подвох. Может, это запрещённая литература? Хотя что теперь запрещено-то? Все печатают без разбора.

– А что за текст? – выдавила Рина.

– Не бойтесь, – усмехнулся Орлов, – никакого криминала. Это текст одного восточного целителя. Фамилия Бадмаев вам о чём-нибудь говорит?

– Конечно! – Рина вмиг успокоилась. – Это известнейший восточный целитель, кажется, монгол или бурят по происхождению. Во времена Александра Второго он открыл в Петербурге аптеку и лечил травами даже царскую семью.

– Так вот текст, который я вам даю для редакции, написан тогда же, в семидесятых годах девятнадцатого века, одним из его учеников. Стиль белого стиха. Отсюда и сложности. Но отсюда же и величина гонорара.

– Русский белый стих у ученика монгольского врачевателя? – удивилась Рина. – Действительно сложно.

– Я уверен, ваша правка будет разумной! – проговорил работодатель. – Там в конце есть две строки национальных восклицаний. Они не переводятся. Это что-то из местного говора. Когда приносят бескровную жертву – фисиастирин, как говаривали в Античности. Оставьте эти восклицания как есть. Но и их, и все стихотворение целиком после правки прошу прочесть несколько раз вслух. Чтобы услышать мелодию стиха. Обещаете?

– Конечно.

– Тогда пишите адрес, – распорядился директор. – Жду вас через пару часов.

Ринка машинально записала и, уже только нажав отбой, подумала: обычно материалы присылаются по электронной почте. А тут надо ехать... Хотя, наверное, работодатель просто желает познакомиться с ней воочию, а не по телефону.

Ринка кинулась одеваться поприличнее. Есть же у неё брендовый брючный костюмчик, привезённый мамой из Парижа. Между прочим, моды этого сезона и, кстати, ещё ни разу не надетый. Вот и обновим!

Невероятная удача, что нашлась работа! Ринка всего-то поместила пару объявлений на сайтах занятости – и сразу результат, да такой денежный. А она-то, дурочка, страдала от какого-то неясного ожидания, думала – это что-то тревожное, а оказалось – радостное. Работа! Новое издательство, и по всему видно – богатое. А вдруг потом её возьмут в штат?

Ринка выскочила из подъезда – увы, на личное авто она ещё не накопила, придётся воспользоваться... Ринка остановилась у двери... Метро! Ей придётся поехать на метро. Господи, как глупо – но она боится!..

А может, доехать на автобусе или ещё на чём? Рина достала бумажку с адресом. Прочитала, задумалась, прикидывая маршрут, подняла глаза и застыла...

Прямо напротив подъезда у дерева возле засыпанной снегом песочницы стоял... стояло... её Страшное Горе. Пусть прошлое, но всё равно ещё памятное. Борис! Проклятый Борис! Тот самый, написавший ей на четвёртом курсе института: «У меня ничего нет. Ты – всё моё богатство!» Тот самый, который месяца два, а то и три каждый день стоял именно у этого дерева под её окнами. Тот самый, который сначала не понравился ни бабушке, ни маме, но потом сумел добиться перемены их мнения – именно потому, что столь верно и каждодневно простаивал под Ринкиными окнами.

– Рыцарь! – с долей зависти сказала тогда мама. – Меня никто так не дожидался!

– Похоже, не перевелись ещё Мужчины, – согласилась бабушка.

Ну откуда же им было знать, что точно так же Борис стоял и под окнами других москвичек? И уж никак не могли они предположить, что он откажется от их Ринки прямо накануне свадьбы, узнав, что ни бабушка, ни мама не собираются прописывать его в свои квартиры.

Как Ринка убивалась тогда! Хотела даже бросить полиграфический институт. Но потом одумалась. Просто стала делать вид, что в упор не видит никакого Бориса. Но ведь пришлось отучиться с ним на одном курсе ещё целый год. Ничего – отучилась. Только спать стала бояться. Потому что начали сниться кошмары. И самым большим кошмаром было вот такое же видение – Борис стоит у дерева и улыбается, переминаясь с ноги на ногу, словно не решаясь подойти.

Неужели опять?! Наяву?! Ринка вдруг ощутила такую боль, словно сердце оторвалось от положенного места и бухнулось со страшной силой куда-то вниз – прямо на застывший морозный асфальт – и сейчас разобьётся там на кусочки. Вот о чём предупреждала Ринку её интуиция – вот о какой беде говорили страшные сны! Не о радости работы, а об этом Горе горьком. Когда-то Ринка прочла мудрое изречение уже много пожившей женщины: «Я была счастлива в жизни – я никогда не встречала тех, кого любила когда-то!» Кажется, это была старуха Изергиль из рассказа Максима Горького... А вот Ринке не повезло – она встретила того, кого любила и кто предал её. И значит, не будет ей счастья...

Ринка закрыла глаза, а когда разлепила отяжелевшие веки, неожиданно для себя поняла, что обозналась. У промёрзшего дерева стоял, недоуменно глядя на неё, совсем не Борис, а Олег Иванович – тот самый дядечка, с кем она решила забыть о Борисе. Она столкнулась с Олегом в супермаркете. Тот налетел на её коляску, полную еды. Тогда она удивилась – он так походил на Бориса, только был постарше. И Рина подумала – клин клином вышибают. Отойдёт она от Страшного Гора. Но куда там! Вышла одна Большая Стыдоба. Потому что когда Рина пришла в гости к этому славному человеку (знала же, зачем шла!) и Олег, обняв её, стал целовать, Ринка, заорав благим матом, вырвалась из чужих рук и драпанула из его квартиры в чём была – прямо в его тапочках и без своей куртки. Хорошо, что на дворе стояла уже тёплая весна. А куртку и её туфли Олег потом сам занёс. Их взяла бабушка, а Ринка так и не смогла себя заставить выйти к нему.

И вот теперь, оказывается, этот Олег Иванович стоит у дерева перед её подъездом. Конечно, не Страшное Горе, но ведь Большая Стыдоба. И к нему надо подойти, вон он как смотрит – прямо в упор.

– Ри-на!

Голос донёсся сбоку. Ринка повернула голову. По боковой дорожке к ней бежала Катенька. Вот уж кого никак не ожидала встретить! Но Катенька, переваливаясь на уставших от бега ногах, звала Ринку и махала ей рукой. Она была одета в почти такую же светло-коричневую дублёнку, как у Рины. Да что же сегодня за день такой – неприятных встреч из прошлого!

Ринка повернулась к подбегающей редакторше, покачнулась и вдруг, поскользнувшись, упала. Да так неудачно... больно... Кажется, разбила коленку. И на новых брюках проступило тёмное пятно. Большое и всё растущее. Какая же кругом грязь – даже снег грязный!

А Катенька, уже подбежав, подхватила бывшую коллегу под руки и подняла:

– Ушиблась? Как ты упала-то! Смотри-ка, и брюки изгваздала! Ты шла куда-то?

Ринка опёрлась на её руку и, тяжело дыша, прошептала:

– Шла... Теперь уж надо вернуться. Переодеться.

– Пойдём, я тебе помогу! – неожиданно дружелюбно отозвалась Катенька.

И они вошли в подъезд.

Человек, стоявший у дерева на детской площадке, отлепился от ствола и закрипел зубами. Что он сделал не так?! Из глубин памяти он вынул сначала самый яркий образ, хранившийся в голове этой девчонки. Думал, она обрадуется и подбежит. Вот и знакомство! Но девица ударилась в панику. Почему? Наверное, тот мужской образ когда-то сделал ей большую пакость. И даже что-то похуже. Иначе отчего бы она так испугалась?

Тогда он выбрал другой образ. И обернулся им. Но и тут девица повела себя странно. От неё пошли такие флюиды растерянности и даже стыда, что пришлось вообще ретироваться. Ясно, что и к человеку, которого она так стеснялась, не подойдёт.

А тут ещё прибежала эта тетёха. Одета точно как девчонка – в такую же светло-коричневую дублёнку. Как её зовут? Девчонка же мысленно проговорила... ах да – «Катенька!».

Ну, Катенька, ну, удружила... погоди, мы ещё встретимся!

Мужчина стряхнул с себя остатки образов (Бориса? Олега?) и, шагнув в тень арки, растворился в уличной суматохе.

А где-то в окне дома за цветной занавеской очнулся другой человек. Устало плюхнулся на стул около окна, но при этом заулыбался, приглаживая пятернёй, как расчёской, свои буйные чёрные волосы.

Работа сделана! И неплохо. Даже хорошо! Он поймал неуловимого чёрного зверя. Прочёл его мыслеобразы. Даже понял, за кем тот охотится. Чёрный Дракон так обнаглел, что даже перестал скрывать мысли. Эмпат услышал даже имя: «Катенька!» Зверь подкарауливал девушку, пришедшую к подруге. Наверное, они собирались куда-то пойти и встретились у дома. Возможно, Дракон даже хотел напасть. Но тут подружка упала, подвернув ногу, и Катенька повела её домой. Получается, что подруга спасла эту самую Катеньку.

Что ж, сейчас эмпат откроет карту той улицы. Найдёт дом. Потом настроится внутренним взором на подъезд. И когда Катенька выйдет, войдёт в её сознание, проводит домой. Тогда будет ясно, где она живёт. А уж по адресу её можно будет найти просто в адресной поисковой системе Интернета. И дай бог, её ещё удастся предупредить.

Может, на этот раз визит чудовища обойдётся без жертв?..

IV. Древний город: кольцо Уроборуса и старинный аграф

Тот – в древнеегипетской мифологии бог мудрости, счёта и письма. Первоначально почитался в качестве бога Луны и времени. Но позже его наделили званием Мудрейшего из богов, потому что именно он изобрёл и подарил людям письменность. Сам же стал писцом главного бога Осириса-Ра, присутствовал на «суде мёртвых», где Осирис судил в загробном царстве души умерших египтян.

Земная мудрость и овладение знаниями загробного мира привели к тому, что именно Тот явился первым истинно **ВЕЛИКИМ МАГОМ** и создал магические обряды, существующие до сих пор и имеющие огромную силу воздействия.

Будучи богом Луны, Тот отслеживал фазы этого небесного светила. Именно поэтому он и стал покровителем всех астрономических и астрологических наблюдений и их наблюдателей. Он не только рассчитал и создал первую звёздную карту неба, определил даты разлития Нила, но и создал первый в мире календарь, отделив секунды от минут, минуты от часов, часы от дней, дни от месяцев, а месяцы от годов. Потом он снова сложил всё это в единую картину. Именно так возникло **ИСЧИСЛЯЕМОЕ ВРЕМЯ**.

Тот определил Время как неразрывность Прошлого – Настоящего – Будущего. Все эти три фазы Потока Времени впадали друг в друга и вытекали, составляя Неразрывное **КОЛЬЦО ВРЕМЁН**.

Хранителем же кольца стал древнейший Змий-Наг – Уроборус, свернувшийся в единое кольцо, состоящее из множественно-временных колец, и надёжно заглотивший свой хвост в

пасть. Что и составило неразрывность Кольца Времени.

Древние греки отождествили Тота с богом Гермесом. Результатом взаимного воздействия египетской и эллинистической культур стало возникновение мифологического образа Гермеса Трисмегиста (Hermes Trismegistos – Гермес Трижды-величайший), который стал легендарным основателем герметической магии и алхимии.

По материалам Wiki

За углом Ринино дома, проводив глазами возвращающихся в подъезд девушек, удовлетворённо заулыбалась, кутаясь в дорожную шубку, дама предпенсионного возраста. Как удачно сложилось! Мысль разбить бутылку воды перед подъездом девчонки замечательна. Впрочем, у неё, Виктории Викторовны, других мыслей и не бывает. Недаром же она дважды победительница. Вот и теперь – просто, но эффектно. Лёд образовался мгновенно, и выбежавшая дурочка конечно же поскользнулась и грохнулась.

А тут как раз и Катенька! Хотя и вечно сонная тетеря, но на этот раз не подвела. Сделала как надо. Теперь они подружатся, и Катенька сможет беспрепятственно ходить к Ринке в гости. Вот и осмолит всё. А что искать, она знает. Ей пришлось кое-что рассказать, ещё когда Виктория только взяла Рину на работу в издательство и посадила в комнату к Катеньке. Ведь та больше всех подходила Рине по возрасту. Виктория думала, девицы подружатся. Да и надо же было кому-то присматривать за новенькой. И это было правильно! Как бы иначе Виктория узнала, что Рина ничего не смыслит в творчестве той же мадам де Бомон, а ищет всё нужное в Интернете? А вот Катенька проследила и рассказала. Правда, подружиться с новой коллегой Катенька тогда не смогла. Но теперь, думается, всё станет иначе. Рина ведь живёт одна. Мало с кем общается. А тут – Катенька. Независтливая. Тихая. Со всем соглашающаяся. Просто дар Небес.

Конечно, дела пойдут не быстро. Но всё равно отличный план – не придерёшься. Опять же простенько, но эффект будет.

А как Виктория испугалась, когда эта девка, не сказав ей ни слова, написала заявление об уходе и смылась в пять минут. Конечно, тогда Виктория говорила с ней строго. Может, и переборщила. Но ведь как-то надо было встряхнуть эту тихоню! Она же делала вид, что абсолютно не понимает, о чём идёт речь! А ведь её бабуля, скорее всего, сто раз пересказала ей свою семейную историю со всеми комментариями. Но эта Ринка всё строила из себя дурочку, которая ничегошеньки не знает. Да она даже не отреагировала, когда Виктория прозрачно намекнула ей на то, что знает тайну её имени – Риина. Редчайшего имени с удвоенной гласной!

Ничего, теперь Катенька с ней пообщается и подружится. Конечно, это не самая лучшая кандидатура. Но не посылать же к Ринке Бориса! Тот и так наломал дров. Недаром Ринка называет его Страшным Горем и страдает до сих пор. Иначе отчего бы ей не найти себе мужчину?

Впрочем, немудрено, что страдает... Такого любовника, как Борис, не забывают. Красив, обаятелен, мастер обольщения. А уж в постели за такие руки и губы всё отдашь. Не говоря о других частях его стройного умелого тела.

Борис... Виктория обомлела в тот самый миг, как его увидела. Невероятный мальчик! Высокий, стройный. Копна волос необычного светло-бежевого цвета. Глаза, о которых говорят – с поволокой. Притягивающие глаза. Двадцать пять лет, но ничем не выдал своего превосходства над ней, пятидесятилетней. Будто её ровесник. И даже более старший. Умудрённый Мужчина. Да-да, именно – Мужчина с большой буквы. Да уж... У него всё такое

большое. Рост. Руки. И даже... Виктория залилась краской воспоминаний, забыв про мороз.

Ах, все вокруг считали Викторину Викторовну железной бизнес-леди. Никому и в голову не приходило, что душа её жаждет вовсе не деловых достижений, а страстной и пылкой любви. Ну и что, что ей уже скоро на пенсию? Сердце до сих пор осталось молодым. Больше того – девичьим. Недаром у неё в квартире всё в глянцево-розовых тонах, кругом пуфики, оборочки. Да ей до икоты хватает железобетонного характера в издательстве. Дома хочется побыть милой и незащищенной девочкой Барби.

Конечно, встретив Бориса, Виктория сопротивлялась. Поначалу. Ведь всё-таки разница в возрасте. Он вдвое моложе её. Но мальчик оказался так настойчив. Виктория пала уже через неделю. А через две сделала дубликат ключей от квартиры и дачного коттеджа, написала доверенность на машину и всё отдала Борису. Да она бы и жизнь отдала. Но кому нужна жизнь хоть и ухоженной, но всё равно пятидесятилетней женщины?

Вот тогда Виктория и вспомнила о семейном предании. Она ведь застала свою прабабушку. И та много рассказала правнучке. Другие-то не слушали старуху. Бабушка самозабвенно пропадала на даче, сажая на грядки всё – от цветов до кабачков. Конечно, она была мастерица. Всё, что ни воткнёт в землю, произрастало мгновенно, пышно и обильно. Мама защищала диссертации – сначала кандидатскую, потом докторскую. Ну а папа... Папа давно уже проживал в другой семье, где вместо диссертаций его кормили борщами и варениками.

Так что рассказывала прабабушка свои сказки (именно так бабушка и мама определяли разговорный жанр прародительницы) одной Виктории. Конечно, и та слушала вполуха. Ведь ей было всего десять лет. Но кое-что запомнилось. Тем более что оказалось подкреплено не одними сказками, а ещё и вполне материально – старинным золотым кольцом. Правда, поначалу это кольцо привело десятилетнюю Вику в неподдельный ужас. Ей показалось, что на кольце вокруг цветка из белого нефрита обвилось... кошмарное чудовище. То ли какая-то диковинная личинка-переросток, то ли свернувшийся червь, то ли небольшая змея. Это свернутое кольцом червеобразное тело было выполнено из непонятного камня столь натурально, что казалось живым – скользким и мерзким. Но самое ужасное, что камень был тёмнокрасным, и потому личинка-змея выглядела отвратительной пиявкой, набухающей от только что высосанной крови. К тому же кровавый клубок был странно свит – змея (или личинка?) заглатывала свой хвост, прикусывая его. И крошечная пасть была чуть приоткрыта, так что виднелись столь искусно вырезанные окровавленные зубки, что, разглядев их, становилось не по себе. Вот и Вике всё мерещилось, что ужасная личинка-пиявка-змея вцепится в её палец. Сползёт с кольца и, обдавая руку жутким холодом, поползёт по руке вверх... Гнусность какая!

– Откуда это у тебя? – спросила она прабабушку и услышала такой рассказ.

Оказывается, во времена Октябрьской революции отец прабабушки, то есть Викин прапрадедушка, сделал хорошую карьеру. Сначала он, помощник московского адвоката, стал «сочувствующим» народному делу, потом получил небольшой чин в Хамовническом Совете. А потом заделался начальником Отдела по изъятию ценностей, несправедливо нажитых и утаённых от народной власти. Впрочем, может, его должность называлась и не так. Но суть оставалась. В кабинет прапра стекались золотые и серебряные украшения бывших кровопийц – дворян и промышленников, помещиков и интеллигенции. Конечно, он должен был всё принимать и сдавать потом в гос-казну по описи. Но ведь все описи пишутся людьми. Вот и прапра не успевал всё заносить в амбарные книги. А что туда не попадало,

уходило к нему домой. Так что все последующие голодные годы, промышленные рывки, войны и послевоенные разрухи семейство прапра преодолело «в лилее и холе» – сытости и довольстве. Поразительно, но их даже не коснулась ни одна из партийных чисток. Ни в 1937-м, ни в другие жуткие годы к ним ни разу не постучались ночные гости, забиравшие москвичей в «чёрный воронок».

Прабабушка была уверена, что всему этому комфорту и изобилию жизни семья обязана этому самому старинному перстню, осевшему когда-то в кармашке прапрадедушки.

– И ты кольцо береги! Оно – наш талисман. Хранитель, – шептала прабабушка. – Никому не показывай и не рассказывай. У этого кольца, как говорил мне папаша, есть и ещё одно свойство – оно может молодость возвер-нуть. Ведь это кольцо – точный древний знак Уроборуса.

– Кого?

– Считается, что был такой легендарный царь Змей. На самом деле он царил не только над змеями, но и над временем. Видишь, он кусает свой хвост? Именно так образуется Кольцо Времени. Оно неразрывно и вечно. Но если вдруг Уроборус хвост выплюнет – порвётся связь времён.

– И что будет?

– Откуда мне знать? Но что-то нехорошее.

– А при чём же здесь молодость?

– Молодость – это тоже время. Только прошедшее. Но если змей Уроборус вывернется через себя – а змеи так умеют, – то и время потечёт назад.

– А как его заставить вывернуться?

– Этого папаша не знал.

– Но тогда же это бесполезное кольцо...

– Что ты говоришь, чудачка?! Оно же нас всегда охраняло. Времена были жуткие, а мы все уцелели. И живём не в каких-нибудь Свинках-Хрюкино на окраине, а в самом центре – на площади Восстания. Думаешь, легко было твоему прадеду получить жильё в такой престижной высотке? А ведь сумел. Думаю, ему точно это кольцо помогло. И жили мы всегда хорошо. Копеек отродясь не считали. Не то что другие – от зарплаты до зарплаты. Вон у твоих подружек новомодных джинсов нет, а у тебя аж две пары. И шубка мутоновая. И шапочка к ней. Будешь с кольцом дружить и уважать его, и у тебя жизнь полной чашей окажется.

– Подумаешь, шубка и шапочка! – фыркнула Вика с безжалостностью юных лет. – Всё равно и я состарюсь, и ты умрёшь. И ничего не поделаешь!

Прабабушка вздохнула и пробормотала:

– Известно, все умрут. Но папаша говорил, что к этому кольцу есть где-то аграф под пару. Наверное, их надо соединить.

– А что такое аграф? – поинтересовалась тогда маленькая Вика.

Теперь-то она многое знает, но тогда это было Первое знание.

– Аграф, – стала объяснять прабабушка, – это старинная заколка. Наверное, сделанная тогда же, что и это кольцо. Аграфами закалывали одежду или шляпы. Могли носить как брошку. Обычно в аграф был вставлен драгоценный камень. В старину же любили драгоценности. Эх, был бы у меня сейчас вместе с кольцом этот аграф, может, я и поняла бы, как вернуть молодость! – И прабабушка тяжело вздохнула.

Конечно, тогда проблемы омоложения никак не волновали девочку Вику. Но потом чем

старше она становилась, тем чаще доставала из шкатулочки, убранной в тайное место, старинное золотое кольцо. Глядела на чудовище, свившееся в клубочек. И однажды поняла...

Что такое аграф? Заколка с булавкой. По-иному – брошка на штырьке. А как заставляют, например, ёжика развернуться, когда он свёртывается? Очень просто – тыча в его пузо острой палочкой. А что будет, если так же ткнуть острым штырьком аграфа в змейку, свернувшуюся вокруг цветка? Она же развернётся в другую сторону!

И начнётся отсчёт времени вспять. Не для всех, конечно. А только для того, кто будет носить волшебное кольцо.

Вот почему они пара – кольцо и аграф!

Но ведь где-то эта заколка есть?

Конечно, все эти мысли посчитались бы абсолютно прожектёрскими, но случилось немыслимое. Сначала Виктория не удержалась и показала семейную реликвию Борису. Надо же было его чем-то приманивать. А потом вдруг услышала поразительное. Борис знал старинное слово «аграф». И не в книгах или Интернете прочёл, а в жизни услышал. И не абы от кого – в семье его бывшей гёрлфренд (какое слово-то дикое, уж лучше бы сказал «любовницы»!) иногда упоминали о каком-то аграфе. Викторию «гёрлфренд» просто убила. Конечно, она не думала, что до неё Борис полёживал на своём диване, не видя девушек. Откуда-то он набрался столь приятной техники секса? Но одно дело – признавать абстрактно, а другое – знать конкретно...

– И кто же она, эта твоя гёрл?

– Ринка Каретникова, – ответил Борис, демонстрируя полное равнодушие к предмету бывшей страсти. – Мы с ней в институте учились. Так – учебный романчик. Знаешь, как она меня назвала – Страшное Горе! Ну как после этого общаться?

Виктория закусила губу. Дура-девчонка! Какое же этот мальчик – горе?!

– Да ты у меня – Самое Большое Счастье! – выдохнула она.

– Потому я и живу с тобой! А не с какой-нибудь дурой! – промурлыкал Боренька.

Ну точно – кот Борис. Котик. Котёночек. Надо будет этому котёночку завтра новый костюмчик подарить. Видела вчера в «Эмпорио» – бутике Армани у «Площади Революции».

Вот только мысль о костюмчике не выбила из головы Виктории упоминания об аграфе. Уже на следующий день она, как смогла, порасспросила Бориса. И выяснилось следующее. Об аграфе как-то упомянула бабушка этой самой гёрл – старушка преклонного возраста. Борис, не удержавшись, спросил – а что это такое? Варвара Петровна объяснила. Ведь в то время она очень хорошо относилась к поклоннику внучки. И даже часто нахваливала его перед Ринкой. Потом, спохватившись, бабуля сказала, что когда-то давно об аграфе ей рассказал дед. Сама, мол, она такой брошки-заколки не видела. Вот только проницательный Борис понял, что бабуля лукавит – заколка где-то в доме. Жаль, что Ринка тогда не заинтересовалась старинной драгоценностью. Да она вообще ни о чём, кроме Бориса, тогда и не думала, прилипла, как кошка. Ну и не вышло разговора с бабулей. А теперь-то бабки уже нет. Померла. А Ринка своими историями семейными никогда не интересовалась. Варвара Петровна даже обижалась – говорила, что и внучке, и дочке, матери Ринки, на свои корни наплевать. Что она напишет историю рода и отдаст какой-то своей старой подружке. И вот когда она, Варвара Петровна, помрёт, тогда подружка Ринке тетрадку отдаст. Будет читать внучка и слезами обливаться.

– Выходит, есть какая-то семейная история... – задумчиво протянула Виктория.

– Есть. Точно. Стоило только на бабушку Варвару взглянуть. Порода. Аристократка,

наверное. Я тогда хотел насчёт старинных драгоценностей поразузнать. Но не пришлось. А знаешь почему? – Борис шаловливо и обольстительно сверкнул очами. – Тебя встретил. Ты – моя самая большая драгоценность. У меня же ничего нет – только ты!

Обычно после таких взглядов в душе Виктории поднимался вихрь – что же подарить этому прекрасному мальчику за такие его взоры, от которых сердце замирает сладко, а потом начинает бурно гнать кровь по венам? И тогда кажется, что ты ещё действительно молодая, не пора ещё в тираж...

Ночью, проводив Бореньку на дискотеку (не держать же мальчика около себя, но и не плестись же туда, где сразу станет видна их разница в возрасте?), Виктория вынула заветное кольцо.

Её чудовище, спавшее в ночи, потянулось и улыбнулось хозяйке. Улыбка была жутковатой, но вполне мирной. Даже странно, что поначалу на неё было боязно смотреть. Но Виктория уже давно знала, что кровавая личинка вела себя на кольце вполне примерно. Больше того, стоило надеть кольцо, как день проходил на удивление удачно. Когда же кольцо снималось и вешалось на шею фарфорового гуся, специально купленного для хранения колец, то мысли хозяйки всё равно частенько обращались к перстню, мерцавшему старинным алым цветом. Если что-то терялось в доме, то стоило подумать о потере и поглядеть на это красное мерцание, как вещь находилась. Если нужно было уговорить кого-то по телефону, то опять же, глядя на свернутую в кольцо змейку, можно было быстро добиться желаемого. Словом, Виктория уже вполне подружилась с чудовищем и даже полюбила его. Ну мало ли кто как выглядит? Зато душа добрая.

Но сегодня, вынув кольцо из заветной шкатулки, Виктория удивилась. Пасть змея Уроборуса была как-то уж слишком приоткрыта. И кончик хвоста явно выпадал, свешиваясь на левый бок. Вроде раньше этого не было. Или Виктория не замечала? И тут вспомнился давний разговор с прабабушкой.

– Пока Уроборус кусает свой хвост, образуется Кольцо Времени. Оно неразрывно и вечно. Но если вдруг Уроборус хвост выплюнет – связь времён начнёт рваться.

– И что будет?

– Откуда мне знать? Но что-то нехорошее.

И вот Уроборус, кажется, поменял положение. И что теперь ждать? Виктория решила от греха подальше снять колечко, да закрутилась – забыла. А потом и вовсе, не заметив, улеглась спать с Уроборусом на пальце. Вот в ту ночь ей и приснился СОН.

Она летела по воздуху – не на самолёте или планере – сама. Воздух вокруг был плотным и пружинящим. Внизу появились... пирамиды. Но выглядели они совсем не так, как в прошлом году, когда Виктория путешествовала по туристическому Египту. Она даже не сразу смогла понять, что в них не так? И когда поняла – не испугалась: пирамиды были новенькие. Камни ещё не стёрлись, как в XXI веке. Скульптуры и арки перед огромными вечными творениями не обрушились от времени. Значит... Неужели?! Да-да, поняла Виктория, она перенеслась в далёкое прошлое, когда пирамиды ещё были только построены.

Но путь Виктории лежал мимо пирамид. Воздушный поток засасывал её куда-то в сторону. Вот показалась пологая крыша старого дома. И вот...

Она стояла на пороге тёмного длинного коридора. А из него доносились крики и валил удушливый смрад.

– Погасите факелы! – кричал кто-то. – Уберите людей! И ты, фенет, уноси ноги. Сейчас будет грандиозный пожар!

– Но, господин мой, – задыхаясь, отвечал тот, кого назвали фенетом, – там же осталось то, что я сделал по твоему приказу! Там и Ал-Наг и сама закрепа!

– Вон! – отчаянно завопил господин.

Фенет горестно всхлипнул и кинулся вон из здания. А господин, сорвав с себя накидку-схенти, уже обвязывал ею голову. Ещё миг – и он кинулся в коридор, туда, где бушевал пожар.

Прошла минута, другая. Жар усиливался, смрад становился всё гуще. Но вот из коридора выбежал человек. Каким-то странным, проникающим вокруг зрением, которое бывает только во сне, Виктория увидела, что мужчина оказался уже вне горящего дома. Он отбежал на довольно приличное расстояние и упал на землю. Полежал, судорожно хватая ртом чистый воздух, постонал, отплёвываясь кровью. Наконец тяжело сел и развернул тряпицу. И Виктория увидела своё кольцо и ещё что-то похожее. Но что – не разглядеть.

– Ал-Наг... – прошептал спасший своё сокровище и добавил: – Закрепа...

И снова Виктория увидела своё кольцо – алый виток змейки – Ал-Наг. И почему-то даже во сне вспомнила: наги – древнеиндийские змеиные боги. А «ал» – это конечно же не от русского «алый», а от европейского alla – «белая, чистая». Цветок на кольце ведь белый. Получается – Белый змеиный бог.

И тут с высоты, которая опять же бывает только во сне, женщина увидела группу перепачканных измученных людей. Они бурно обсуждали что-то – наверное, случившийся пожар. В отдалении сидели двое, переговариваясь. И почему-то их разговор Виктория слышала отчетливо.

– Как он смог вытащить твои поделки и не сгореть? И сам жив, и сокровища целы?! – спросил один.

– Не забывай, кто он! – отвечал второй – тот, кого звали фенетом. – Не чета нам. Сдаётся мне, что он – не простой человек!

– А кто?!

– Может... – говоривший понизил голос в благоговейном шёпоте, – может, и сам бог Тот...

– Ну ты загнул!.. Боги не ходят среди смертных!

– Я понимаю. Но ведь знания его неисчерпаемы! Кто может знать столько всего, как не сам бог Тот?! Ведь это он научил людей читать и писать. Он объяснил движения планет по небу и составил даты разливов Великого Нила. А теперь вот задумал что-то новое. Ещё одно чудо. Для нас – для людей. Да кто бы он ни был, я стану навсегда его верным учеником. И когда-нибудь, когда я и сам чему-то научусь, меня перестанут звать фенетом. И у меня будет личное имя.

И человек, вытирая сажу и пот с лица, заулыбался, несмотря на всё пережитое. Да так ярко, что женщина и сама проснулась с ощущением радости.

Какой необычный сон! И про что?! Про её же кольцо. Перстень с именем Ал-Наг.

Хозяйка поднесла кольцо к глазам:

– Ты помнишь своё имя, Ал-Наг?

И алый змей подмигнул ей. Да-да, она готова была поклясться, он её понял и обрадовался, что она теперь посвящена в его прошлое.

– Но кто же создал тебя? Кто этот фенет?

Женщина открыла книжный шкаф и потянулась к энциклопедии.

Фен... фон... Никакого фенета не упоминается. Ох уж эти книжные носители! Ладно, включим компьютер. Женщина вошла в Интернет – и вот вам, уже через пару секунд прочла:

«Фенет – житель города Фенея, что находился в легендарной древнегреческой Аркадии». Ну а кто у нас самый известный житель этого города Фенея? Ещё пара кликов мышкой – и пожалуйста: «По преданию, именно в Фенее родился легендарный маг, астролог, алхимик Гермес Трисмегист, что значит Триждывеличайший. Поскольку он был столь образован, мудр и всеведущ, считалось, что свои знания он получил от двух богов – сначала от ловкого, мудрого и удачливого древнегреческого Гермеса, а потом, когда уехал в Древний Египет, от бога мудрости, письма и знаний могущественного Тота, который считается ещё и повелителем времени, поскольку именно Тот создал первый в мире календарь. Он подсчитал количество дней в году, рассчитал разливы Нила и тем самым обеспечил равномерное течение времени в Древнем Египте».

То есть сон не обманул. Старинный Ал-Наг создал величайший из алхимиков Гермес Трисмегист по заказу того, кого он считал самым мудрейшим человеком своего времени, а может, даже и воплощением бога Тота. Что ж, во времена Древних Царств боги вполне могли сходить на землю.

Виктория прижала кольцо к груди. Вот так история! И что теперь делать с полученными знаниями? Рассказать кому, что твоё кольцо создано по заказу самого бога Тота, засмеют. Того хуже – украдут кольцо-то! Но может быть и совсем плохо – отправят в психушку!

Правда, отправлять некому. Родственников нет. Разве что Боренька – прекрасный мальчик. Но сколь бы он ни был по сердцу, Виктория Викторовна всё же осторожна и в этом. Недаром же она всегда на коне. Победительница вдвойне. Вот и теперь она обезопасила себя. Сейчас её Борис, словно милый котёночек, проживает с ней в её огромной комфортной квартире, ездит на её машине, жарит шашлыки на её даче. Но всё это – пока он с ней. Всё – по её доверенности и разрешению. Пока он её любит. Не станет проявлений любви – от Бореньки улетучатся и квартира, и машина, и дача.

Только вот любви хочется! Отчаянно. Безудержно. Сумасшедше. Виктория Викторовна схватилась за виски. Она любила и в двадцать, и в тридцать, и в сорок лет. Но любовь в пятьдесят оказалась самой жгучей, самой пьянящей. Но и самой безжалостной.

Возраст. Время. Какие ужасные понятия! Ох, как, оказывается, мгновенно пролетело время жизни! Свернулось кольцом, как вот эта змейка...

Виктория взглянула на кольцо. Палец слегка опух, как обычно бывает, если не снимаешь кольца на ночь. Но Уроборус выглядел странно. Нет, он не выплюнул хвоста из пасти, предвещая беду. Но хозяйке показалось, что он поднял голову и смотрит на неё своими крошечными тёмно-красными глазками. Да она просто ощутила свет, исходящий от них, – тёмный, кровавый. Но как ни странно, это её не напугало. Напротив, Виктория поняла, что Ал-Наг хочет сообщить ей что-то очень важное.

Уроборус – знак Времени. Символ неразрывности времён. Но если время идёт вперёд, оно может пойти и назад. Хотя бы для неё, хозяйки магического перстня. И тогда... Виктория зажмурилась...

Кожа её лица вновь обретёт мраморность, овал подтянется, а одутловатость спадёт, и проступят её высокие скулы, которыми она так гордилась в юности. Её осанка вновь станет прямой и гордой, а походка упругой. Но не это главное, – она вновь ощутит себя молодой красавицей, и въедливо-больные мысли о том, что Борис может польститься на другую женщину, исчезнут. Растворятся, как невозможные. Ведь Виктория помнит – в молодости никто не мог перед ней устоять!

«Но почему же прабабушка не оставалась молодой? – подумала Виктория и ответила

сама себе: – Потому что она не знала, как использовать силу Ал-Нага. Просто хранила перстень как талисман. Она ничего не требовала с кольца. Старинная драгоценность просто выполняла функцию оберега. Ведь Ал-Наг и сам был членом нашей семьи.

И ему было необходимо, чтобы у нас всё шло хорошо. Но, думаю, теперь и с него можно кое-что спросить. Вдруг он действительно может повернуть время вспять? Хотя бы попробовать! Верно?»

Виктория даже не заметила, что мысленно разговаривает с кольцом, как с живым существом. И несколько не удивилась, когда почувствовала его ответ. Нет, конечно, кольцо не заговорило, но ответ всё же прозвучал в глубине сердца Виктории.

«Я помогу тебе! Мне хочется, чтобы ты была счастлива, хозяйка. Но я тоже хочу быть счастливым. И ты можешь мне помочь».

«Конечно, если я смогу», – так же мысленно ответила Виктория.

«Сможешь! Ты должна найти аграф. Мы – пара. И вместе наша сила беспредельна. Ты получишь молодость, а я свободу».

«Ты хочешь освободиться от меня? Ты меня бросишь? Перестанешь помогать мне по жизни?»

«Нет! Ты останешься под моей защитой. Но у меня тоже есть мечта. И я осуществлю её».

«Хорошо! Но что я должна сделать?»

«Найди аграф!»

«Тогда помоги!»

«Увы, тут я бессилен. Бог Тот сотворил нашу пару, наложив заклятие, – аграф может отыскать меня, он меня чувствует, но я его найти не могу. Только человек, владеющий мной, может отыскать аграф. Так что ищи ты!»

«Но где?! Дай хоть какую-то подсказку!»

Кольцо вспыхнуло и шевельнулось. Виктория могла бы поклясться, что это так – оно вспыхнуло и шевельнулось! Словно змейка решила развернуться или личинка захотела стать большой.

Виктории стало страшно. Она протянула руку, чтобы повесить свой перстень на фарфоровую шею гуся, но вдруг почувствовала, что змейка ещё больше разворачивается в её пальцах. Боже, неужели время и впрямь может оборачиваться вспять?! Или это Ал-Наг пытается дать ей подсказку? Кольцо растёт, расширяется, становится полностью тёмно-алым. И вот уже перед глазами замороженной женщины возникает новая картина и новые тайны Времени...

Она увидела тёмный коридор какого-то дома. Женщину в светлом чепце и в платье по моде XVIII века, спускающуюся по узкой лестнице со свечой в руке. Женщину ждут. При её появлении несколько человек, мужчин и женщин, встают, выказывая своё уважение.

Начинается неторопливая беседа. Говорят по-французски. Но Виктория, наблюдающая эту сцену из своего замороженного состояния, понимает, о чём идёт речь.

– Я решила, – говорит женщина в чепце, – что во избежание неприятностей нам не следует хранить наши сокровища в руках одного человека, как сейчас. Конечно, это почётная миссия для меня иметь у себя всё – и Ал-Наг, и аграф. Но, думаю, безопаснее всё же их разделить. Когда придёт время, их можно будет соединить. Но только если это понадобится. Ведь тот, кто владеет ими обоими, может поступать со Временем как ему заблагорассудится. Сжимать. Растягивать. Конечно, он не сможет переделать Всеобщее время, но сможет

поменять своё личное. А кто знает, ради чего он захочет его поменять – ради славы, обогащения, мести? А ведь мы знаем, что Общего времени просто не существует. Оно состоит из отдельных времён разных людей, складывающих цельную картину. Но тогда и замена только одной составляющей может изменить ВСЁ. Мало ли какому тирану захочется взять власть в свои руки. Словом, я считаю, что рисковать не следует. Тем более что времена сейчас тревожные. В нашем Братстве Времени, насчитывающем уже больше двух тысяч лет, наступил раскол. Я не знаю, как хотят изменить Время отколовшиеся, о каком прогрессе они твердят. Я не спорю – прогресс неизбежен и меняет всё. Но не Время. Оно должно оставаться неизменным. Ибо, изменив его, никто не может предсказать результат. Ведь потеряется сама привычная устойчивость жизни. Наступит хаос. И что в итоге?

Впрочем, в философических и мистических проблемах я не сильна. В Братстве Хранителей Времени есть люди умнее. Моё дело – сохранить Ал-Наг и аграф. Много лет назад Главный Хранитель сумел тайно переправить их мне, а я спрятала. Ну кто бы стал искать такое сокровище у старой, почти умирающей женщины?

Но мы должны быть осторожны и принять меры безопасности. Поэтому я решила, что Ал-Наг останется у мужчины, представителя английской части нашей семьи. Аграф же я отдам своей дочери, которая живёт во Франции. Если возникнет надобность соединить их, мой сын всегда может приехать к сестре.

– А потом вы хотите, чтобы они переходили в наших семьях по наследству, *maison*? – подал голос сын.

– Нет. Будет так, как на каждом отрезке Времени решит Братство Хранителей. Но находиться эти сокровища будут в разных руках. В разных странах. У разных людей. Так будет надёжнее.

– А предположим, – поинтересовался другой сын, – пройдёт время, перстень и аграф окажутся у людей, которые уже не будут связаны семейными узами и даже незнакомы. Как они узнают, что могут доверять друг другу? Может, стоит придумать символы – опознавательные знаки?

– Конечно, Клод прав, мадам де Бомон, – подал голос самый старый член собрания. – И не стоит особо мудрить. Подойдёт ваша чудесная сказка «Красавица и Чудовище». Она и станет опознавательным знаком. Думаю, ни одному человеку зла не придёт в голову вести разговор о сказке. Тем более такой доброй, как ваша. Так что если хозяин Ал-Нага придёт к обладателю аграфа и заведёт разговор о «Красавице и Чудовище», они всегда поймут друг друга.

– Хорошая мысль! – поддержал ещё один член собрания. – Обожаю вашу сказку. Уверен, многое в нашем искусстве канет в Лету. Позабудется. Но ваша сказка останется. Хотя, как говорил о сказках Шарль Перро, это «безделки». Но ваша «безделка» стоит большого и «дельного» романа.

– Словом, – подвёл итог самый старый член компании, – мы берём сказку мадам Лепренс де Бомон. И все наши Хранители должны знать о ней. Эти знания и станут своеобразным паролем.

– Но, полагаю, нелишним будет ещё одна предосторожность, – проговорила сказочница. – Опознавательный знак у Хранительницы аграфа. Пусть в её имени всегда присутствует нечто странное. Например, я назвала дочь в честь той женщины, что привезла в своё время мне наши сокровища. У неё странное имя для француженки – Риина – с ударением на первый слог и с удвоенной гласной. Тогда Хранитель Ал-Нага сможет быстрее

отличить Хранительницу аграфа. Ведь искать будет именно он. И у него должно быть хоть что-то указующее. В данном случае – редкое имя.

Видение поблёлкло. Но Виктория, очнувшись, отлично всё поняла. Ал-Наг у неё есть. А теперь появились и указания для поиска аграфа. Его обладательница, или, как говорила вся эта компания, Хранительница, должна знать всё о сказке «Красавица и Чудовище» и носить имя, в котором имеется некая странность. А лучше всего найти ту, которая носит имя Риина, о котором говорилось во сне.

Как ни странно, Риина нашлась быстро. Потому что, похоже, так звали бывшую девицу Бориса. Виктория просто вновь завела о ней разговор.

– Как ты говоришь, фамилия семьи той дурочки, что назвала тебя Страшным Горем? – спросила она.

– Как у всех фамилии – не знаю, – чистосердечно ответил Борис. – А сама Ринка – Каретникова. По отцу, хотя он с ними и не живёт. Простая фамилия. Но вот имя у неё странное. Может, потому она и сама такая нелюдимая. Представляешь, Рина – это не уменьшительное от Ирины или Екатерины.

– А что?

– Это само её имя – Риина через удвоенную гласную «и».

Риина – через два «и». Это же знак судьбы. Или подсказка. И Виктория начала действовать. Пригласила Риину редактором в возглавляемое ею издательство. Попыталась прощупать, что девушка знает о сказке «Красавица и Чудовище» и знает ли вообще о сказочнице XVIII века мадам де Бомон.

Вышло не слишком умело. Ринка перенервничала и скоропалительно уволилась с работы. Вот тогда-то Виктория и разлила воду перед подъездом Каретниковой и подослала Катеньку. Та хоть и сонная тетеря, но Викторию Викторовну слушалась беспрекословно. Тем более что начальница сказала ей:

– Когда мы найдём у Рины эту брошку, я сумею не только сама стать моложе, но и тебя омолодить.

И Катенька поверила. Как всегда – искренне и бесповоротно. Ведь ей уже тридцать лет. А мужа всё нет. А так хочется замуж! И всего-то надо для этого сделать – подружиться с Ринкой! Да Катенька подружилась бы и с чёртом, если бы он только сыскал ей мужа. Хоть какого-нибудь. Катенька неприхотлива. Она и готовить умеет. И мыть-стирать не брезгует. Вот сейчас ремонт в квартире затеяла. Как сделает, муж и может приходить.

Итальянскому физика Лоренцо Макконе (Lorenzo Maccone) удалось объяснить направленность движения времени с точки зрения квантовой механики.

Известно, что многие физические законы обладают инвариантностью относительно замены времени t на $-t$ (так называемая Т-симметрия). Однако, как видно из наблюдений, у времени имеется выделенное направление, то есть события следуют одно за другим и существуют понятия причины и следствия. Например, в термодинамике система стремится занять состояние с максимальной энтропией (мера необратимого рассеивания энергии). Поэтому состояния меняются в сторону роста энтропии.

В рамках новой работы Макконе применяет квантовый подход, аналогичный термодинамическому, для объяснения направления времени во Вселенной в целом. Для этого он использует понятие так называемой информационной энтропии, которая является мерой хаотичности информации.

Чтобы пояснить суть своей теории, Макконе предлагает следующую схему. Представим, что имеется получатель информации Алиса. Она получает атом от своего друга Боба и измеряет в лаборатории, скажем, спин полученного атома. При этом состояние суперпозиции двух значений спина разрушается, и Алиса получает некоторую информацию. Боб, однако, ничего не знает о результате измерения – с его точки зрения, состояние лаборатории Алисы и атома оказываются связаны. При этом, с точки зрения Боба, энтропия системы не меняется, а вот с точки зрения Алисы – она растёт.

Теперь Боб может взять и распутать состояние атома и Алисы. Однако для этого ему необходимо уничтожить всю информацию о проведённых Алисой измерениях, чтобы «вернуть» атому неясное состояние суперпозиции. В результате для Боба энтропия снова не изменится, но для Алисы она уменьшится. Однако у Алисы не будет никаких воспоминаний о произошедшем событии, ведь таково было основное условие распутывания состояний атома и лаборатории.

По словам Макконе, похожая ситуация складывается, когда в качестве основной системы (Алисы) выступает вся Вселенная. События, уменьшающие энтропию, вполне могут происходить, однако они не оставляют о себе информации и, следовательно, не отличимы от событий, которые никогда не происходили. Таким образом, заключает Макконе, направление движения времени есть направление увеличения информационной энтропии.

Новая работа была достаточно положительно воспринята учёными. Многие не согласны со всеми выводами Макконе, однако подход автора к проблеме считают новаторским.

Из глубин Интернета

Стараясь не наступать на ушибленную ногу, Ринка проплелась в ванную – стаскивать брюки и колготки, осматривать содранную на коленке кожу и уже начинающий проступать синяк. Коленка – её вечно уязвимое место. Ринка никогда не болела, но вот правую ногу разбивает часто.

Больно. Скорее всего, о визите к работодателю придётся забыть. А жаль. Но ведь он ждёт её уже через полтора часа. К этому времени коленка явно не заживёт. Да и никакой мази у Ринки нет. Только йод. А вот раньше.

Рина вспомнила...

Парк. Весна. Она гуляет с бабушкой. Где-то впереди в аллее вдруг появляется котёнок. Рыжий. Толстенький. Наверное, мягонький и пушистый. Мечта всей жизни. Четырёхлетняя Ринка срывается и несётся к нему. Падает с разбега. Колготки рвутся. Голая коленка скользит по асфальту. Обдирается на раз. Кровь. Много крови. Но Ринка не кричит. Она только с ужасом смотрит на растекающуюся кровь. Потом, очнувшись, вскакивает. Бабушка уже рядом. И Ринка произносит вдруг басом:

– Мазать!

Она давно знает, что бабушка не выходит из дому без волшебной баночки с белой мазью, которая называется «паста Лассара». Она даже знает, что Лассар – это врач, придумавший эту самую чудо-мазь.

Но сейчас бабушка оторопело глядит на кровавую коленку. Какое тут мазать – её промывать сначала надо. Вон – песок в ране.

– Домой! – изрекает бабушка.

Как домой? А гулять?! И не от боли, а от такой несправедливости Ринка вдруг заливается горячими слезами. И в ту же секунду вместе со слезами приходит боль. Острая. Жуткая. Коленка! Больно...

И вдруг раздаётся голос:

– Сейчас! Иди ко мне!

Чьи-то руки бережно подхватывают Ринку. Мужчина, откинув полы своего длинного чёрного пальто, усаживает девочку на колени. Дует на коленку и шепчет:

– Сейчас пройдёт!

Не касаясь раны, он проводит рукой над коленкой. Кровь замирает, а потом неожиданно быстро начинает затвердевать. Рана покрывается коричневой корочкой. Ринка перестаёт

плакать и заворожённо смотрит на пассы огромной мужской руки. Лица врачевателя она не видит. Только руку. Рука с длинными узловатыми пальцами, покрытая шрамами разной длины. Со временем раны зажили, но оставили белые рубцы и неровные края. Рука уродлива. Но для Ринки – прекрасна. Руки избавителя от боли.

– Ну вот, теперь можно и мазать! – говорит мужчина, передавая Ринку бабушке.

Та улыбается ему, как знакомому:

– Спасибо! Но как ты тут оказался?

– Больно, – тихо говорит мужчина. – А я чувствую. – И, не попрощавшись, уходит.

– Ну да, ты же – эмпат, – бормочет бабушка.

Ринка смотрит вслед Чёрному. Лица не видно. Только прямая спина. И чёрное пальто. Очень длинное.

Чёрное... Длинное... Неужели?!

Ринка даже забывает о своей разбитой коленке. Тот парень в рекламе, бежавший по звёздам... Она ещё подумала: кого он напоминает? Кого?! Да того – Чёрного! Может, из-за пальто? А ещё в нём есть что-то от тёмного наваждения, испугавшего её утром. И он похож на того, кто отобрал у неё когда-то бабушкину «драгоценную» булавку. Но как такое может быть?! Если он лечил её в парке, то сейчас ему лет пятьдесят. В таком возрасте не побегаешь по звёздам. Или это его сын? Или просто совпадение?

Как много совпадений!..

– Рин! Рин! – Катенька лупит по двери ванной со всей силы.

Ринка вздрагивает и капает йодом прямо на рану. Вот это боль! Жуть какая...

А напротив её дома парень в чёрном пальто неуклюже садится в ожидающую его машину.

– Чёрт! – цедит он. – Она разбила коленку... а мне больно! – Внезапно глаза его расширяются, как будто он что-то вспомнил. – Так это она! Как я сразу не догадался? Варвара Петровна передала аграф не дочке-экстремалке, а внучке. Я-то всё время настраиваюсь на Светлину и не могу её почувствовать. Аграф где-то есть, а хозяйки нет. А ведь без согласия хозяйки аграф не взять. И нет бы мне принять в расчёт внучку! Как её зовут?

– Рина Каретникова! – отвечает ему из машины приятный баритон.

– Ри-и-на, – бормочет парень, пристёгиваясь. – Конечно, это она. И опять разбила коленку!

Катенька возилась на кухне у Ринки словно у себя дома.

– Садись, выпей чаю! Тебе сразу полегчает. Смотри-ка, я стихами заговорила.

Ринка, стараясь не опираться на ногу, тяжело, как старая бабка, доплелась до кухни и опустилась на стул.

Конечно, она не могла видеть, как где-то там, в машине, парень, стабив перчатки, делает руками пассы. Не могла слышать, как он шепчет:

– Сейчас! Сейчас пройдёт! Ну потерпи ещё секунду!

Зато она чётко почувствовала, что боли больше нет. Прошла... исчезла... зато навалилась усталость. Спать. Спать. Ну как же она поедет к заказчику?

– Ты чего? – подскочила Катенька. – Ты прямо па-даешь-засыпаешь.

– Мне надо заказ получить, – прошептала Ринка. – А я вот не могу поехать.

– Какой заказ?

– Позвонил какой-то Орлов, директор рекламного агентства, предложил

отредактировать пару листов. И такие деньги посулил, ну прям как за целую книгу.

– Так давай я съезжу! Заберу твой заказ.

– Правда? Ты настоящая подруга!

– Конечно, я – твоя подруга! – обрадовалась Катенька. – Я так и хотела. Стать твоей подругой.

– У меня в дублёнке в кармане адрес и имя реклам-щика. Возьми, – уже через силу выговорила Ринка. – А я посплю пять минуточек.

И на ватных ногах она побрела в спальню.

Но сон не шёл. Зато возникло странное чувство. Вспомнилась бабушка. После её ухода Рина должна была что-то сделать. Но что? Она не знала.

И ещё возникло чувство, что вот уже какое-то время она связана... очень прочно... но с кем?! Вот только что болела коленка. Но вдруг прошла. Вмиг. И Рина смутно чувствует – кто-то помог ей. Но кто?

Хорошо бы спросить бабушку. Но её нет. А маму Вету и спрашивать не хочется. Она только о своих походах, полётах, разъездах и думает. Экстремалка...

А вот если бы пришёл тот – в чёрном пальто, у которого руки в шрамах... Он похож на актёра нового фильма «Красавица и Чудовище». Наверное, это по сказке той самой писательницы мадам де Бомон, о которой Виктория в издательстве требовала доскональных знаний. И зачем? Обычная детская писательница, ещё и директриса школы для благородных девиц. Педагогиня. Терпеть не могу педагогов! Эта мадам де Бомон написала много, но всё, кроме сказки про Красавицу и Чудовище, давно забылось. Да и «Аленький цветочек» нашего Аксакова на тот же сюжет куда ярче, волшебнее, интереснее. Хотя, говорят, сейчас идёт модный мюзикл по сказке француженки. Теперь вот и фильм будет.

Сон исчез. Захотелось побольше узнать про новый фильм. Наверное, новости про него уже есть в Интернете.

Рина встала, под села к компьютеру и открыла поисковик, надеясь, что уже скоро увидит странно-притягательное лицо парня, бегущего по звёздам. Но поисковик молчал. То есть нет: он выдал кучу ссылок на старые советские фильмы по «Аленькому цветочку», на американский телесериал конца 1980-х, где роль Красавицы исполнила Линда Хамильтон, на диснеевский мультфильм. Но никакого упоминания о новом фильме не было.

Звонок выдернул Ринку из размышлений. Вернулась Катенька. Раскрасневшаяся и повеселевшая, будто побывавшая на утреннике с подарками.

– Чудесный человек этот Леонид Николаевич Орлов! Такой импозантный, высокий. Хотя и не первой молодости, но глаза горят. Шикарный мужчина! Угостил меня кофе. Наговорил кучу комплиментов. Представляешь, сказал, что по телефону я была таинственной незнакомкой, но, увидев меня, он понял, что я – прекрасная дама. Прямо трубадур или рыцарь из Средневековья! Выдал рукопись и, между прочим, все деньги авансом. Ещё и велел своему шофёру меня отвезти. Видишь, как я быстро управилась? – Катенька вдруг прервала свою захлёбывающуюся речь и стушевалась. – Рин, – просительным тоном сказала она, – ты ведь болеешь. Давай я сама отредактирую. И мне как раз... деньги очень нужны. А Орлов потом тебе ещё что-нибудь даст.

– А ты сказала ему, что ты – не я?

– Нет... – Катенька похлопала ресницами. – Как-то разговор не зашёл.

– Тогда как же я у него возьму другой заказ?! Он же думает, что я – это ты.

– А я за новым заказом опять сама съезжу. Ты ведь пока с ногой мучаешься. А он

пообещал дать другой заказ через пару дней.

Ринка не стала говорить Катеньке, что нога у неё на удивление быстро пошла на поправку. Что завтра она и сама сможет поехать в агентство к Орлову. Она почему-то очень ясно увидела, что Катенька не врёт, что ей действительно нужны деньги. Привиделись голые стены. Скорее всего – ремонт. Брошенный по причине нехватки денег. Ну что ж, пусть Катенька возьмёт себе эту денежную работу. Ох, вечно Ринка входит в обстоятельства других людей, вечно сочувствует каждому...

– Ладно! – проговорила она. – Бери себе этот заказ. Зато мне не придётся краснеть потом. Я-то знаю, что ты редактор от Бога. Только вот что. Не забудь на слух проверить эти отредактированные белые стихи. Меня Орлов специально предупредил.

– Мне он то же сказал. Я всё сделаю. Хотя десять раз прочту вслух, чтобы потом никакой фальши не обнаружилось. На самом деле Орлов прав: именно так – на слух – поэты всегда стихи проверяют. А Орлов – такой импозантный мужчина. – повторила Катенька и зарделась.

А Ринка, не подумав, ляпнула:

– Уж не влюбилась ли ты, подруга?

– Я – подруга... твоя подруга... – опять как во внезапном полусне пробормотала Катенька. – Но влюбляться мне не надо. Мне надо...

Тут речь её внезапно оборвалась. И, повернувшись на каблуках, Катенька выскочила из квартиры Ринки.

Она неслась во весь дух – скорее поработать, а потом отнести рукопись Орлову. Снова увидеть этого обаятельного мужчину, говорившего такие комплименты, которые Катенька в жизни не слыхала. И конечно, она не заметила, что от дерева около песочницы напротив Ринкиного подъезда отделилась фигура в тёмной куртке. Парень бросил окурок и тихо-незаметно пошёл вслед за мчавшейся на всех парусах Катенькой.

«Ну и жизнь! – мрачно думал парень. – То бабушку утром вози, а она возьми и копыта откинь. То вот эту девку отследить – куда пойдёт. А куда ей идти? Домой, ясное дело. Там, у неё дома, и поговорим. Что я, к бабе ключ не найду? Найду! Всё выложит, не отвертится. Никто ещё не смог отвертеться – я человек умелый...»

А в это время на другом конце города у приоткрытого окна с цветными шторами стоял темноволосый парень. Его рубашка была расстёгнута, но пот всё равно тёк по спине и груди. Его зрачки были расширены, будто он старался ухватить внутренним взором то, что не увидишь в реальности. Час назад он не уследил, куда бегала Катенька. Она спустилась в метро, а там эмпат плохо ориентируется. Но сейчас он не может сплеховать!

И он УВИДЕЛ. Девушка Катенька снова вылетела из подъезда подруги и опять же очень быстро пошла, но на этот раз к себе домой. Он видел, как она повернула направо, перешла улицу, потом пересекла вторую и вошла во двор дома, стоящего буквой «Г». Да она, оказывается, живёт рядом! Хотя чего это он? Девчонки ведь были подругами. Значит, ясно – жили неподалёку друг от друга.

Эмпат проследил, как Катенька отпирает входную дверь. Спешит. Влетает в квартиру. Прикрывает дверь, не замечая, что замок не щёлкает. Беспечная дурочка! Уже в прихожей Катенька торопливо вынимает из сумки полупрозрачную папочку. Файл – листы с распечаткой. Эмпат сосредоточивается на номере квартиры – тридцать семь. Дело сделано. Можно расслабиться.

Он немного поспит, а потом поедет к этой Катеньке. Надо же её предупредить.

Катенька же, скинув верхнюю одежду и даже не переодевшись в домашнее, плюхнулась на диван и вытащила из файла рукопись. Хотелось почитать поскорее – что там? При Ринке она смотреть не осмелилась. А ну как, увидев, отберёт? И тогда прощай новая встреча со столь приятным Орловым. Да и деньги на ремонт уплывут. А ведь хочется пожить как человек. А не как вечная ре-монтщица – при полусодранных обоях.

Какой странный текст! Действительно, написан белым стихом. Описание покинутой родины – её цветов, полей и лугов. Кто автор, что за родина – неизвестно. Да и к чему? Для редакции это не нужно.

Хотя... Катенька ещё раз просмотрела текст – тут и редактора-то минимальная. За что только этот Орлов деньги платит? При таких разбрасываниях тысячами по миру пойти можно. Хотя, наверное, он богат. Иначе не заплатил бы столько.

Катенька внесла грамматическую правку, заменила несколько слов на более подходящие по размеру стиха. Больше и делать-то нечего. Ах да, она же обещала поступить как реальная поэтесса – проверить текст на слух!

Катенька встала в центр комнаты прямо под люстру – ну точно как на сцене. Откашлялась, как истинная чтица, и начала читать. Первые строки прозвучали удачно. Потом она споткнулась и поняла, что требование Орлова резонно – при чтении вслух стали видны мелкие огрехи. Вот здесь стоит подобрать более короткое слово. Подумав, Катенька внесла и эту правку. Дальше опять всё пошло гладко. Ну а к концу Катеньке даже понравилось собственное чтение.

«А не прочитать ли ещё разок? – подумала она. – Ишь, как у меня голос приятно звенит!»

И Катенька затянула второе чтение. На душе становилось всё приятнее. Ей так нравились строки в своём исполнении!

«Надо бы прочесть ещё разок!»

Ветры безбрежные, ритмы скорейшие,
В вечность, прошу, унесите меня!

Дальше шёл набор странных слов – непонятных, но завораживающих. Катенька даже ни разу не сбилась при их прочтении. Правда, в голову полезли странные мысли.

«Что такое „по ми”? Для меня, что ли? А что значит „стокрамо”? – успела ещё подумать Катенька. – Сто граммов – знаю. А что значит „стокрамо”?»

Больше мыслей в голову ей не пришло. Потому что она вдруг упала прямо на пол под люстрой. Из горла пошла кровь. Катенька ещё попыталась выплюнуть эту алую струю, мешавшую дышать. Но крови оказалось слишком много.

Ну кто бы предполагал, что ТАК много?! Кровь залила пол, Катенькины волосы и рукопись, которую она держала в руке.

Так что когда парень, шедший за Катенькой, вошёл в незакрытую квартиру, то увидел в комнате огромную липкую кровавую лужу.

– Вот чёрт! – выругался он.

Но всё же подошёл поближе, стараясь не вляпаться. Чужая смерть не внушала ему ужаса. Но запачкать свой новый костюм он побоялся. Ведь тот был куплен не на оптовом рынке, а в престижном бутике. Но нечто сильнее Бориной брезгливости (а это был именно он)

заставило его всё-таки подойти поближе. И это же нечто повелело осторожно вынуть из Катенькиной ещё тёплой руки бумагу, по которой бежали слова, выведенные на принтере. Желание взять себе бумагу оказалось так сильно, что Бориса не смутила даже кровь, залившая чёрные строки на белом фоне.

И вот невероятность! Едва Катенькины пальцы перестали удерживать бумагу и та переключалась к Борису, алая кровь начала исчезать неведомо куда. Больше того, пространство вокруг Катеньки очищалось, будто кто-то водил огромным, невидимым ластиком, стирая кровь с пола, ковра, одежды. Но Борис ничего этого не замечал. Как замороженный, он смотрел на бумагу. Впрочем, и там не замечал, что с белого листа пропала и кровь, и даже чёрные строки, напечатанные на принтере. Сам не осознавая зачем, Борис странным механическим движением осторожно сложил бумажку вчетверо и бережно упрятал её во внутренний карман своего модного пиджака.

Совершив это незамысловатое действие, он словно очнулся и уже недобрым взглядом оглядел комнату и Катеньку, лежащую на полу. Его не одолевал страх, но жгла злоба – и по отношению к Катке, посмевавшейся так противно подохнуть, и к Виктории, уговорившей его утром стать идиотским таксистом, а вечером последить за дурёхой Каткой и пойти к ней домой, чтобы «всё разузнать».

«Ну и денёк! – злился Борис. – Повёз бабку – а она копыта откинула. Зашёл на кофею – а попал на похороны. Да ведьма Виктория меня просто подставляет! А ведь всё начиналось так весело. И казалось простым. Чего проще – забрать у бабки тетрадку или узнать у Катки, где Ринка Каретникова прячет семейные драгоценности. И вот вам – уже два трупа! И ведь скажут, что я их всех убил... Нет уж, надо уходить, пока не поздно! Пока не замели!»

Парень выскочил из Катенькиной квартиры. Дверь закрывать не стал. Просто притворил. Если не дёргать, то и не увидишь, что дверь не заперта. Не дожидаясь лифта, скатился вниз по лестнице.

«А всё эта дура Виктория! – чертыхался про себя Борис. – Добудь, разузнай! И чего теперь? Ни бабки с тетрадкой. Ни Катки с брюликами. Нашли время умирать, идиотки! А всё Викочка! Узнала от меня же, что Ринки-на бабка давала подружке какие-то записки, и подольстилась к этой подружке. Разнюхала, когда бабка повезёт тетрадку Ринке. Заставила меня шофёром прикинуться. Мало мне было утреннего трупа. Так вот тебе, дурак, получи вечером второй. А всё Викочка, чтоб её черти разорвали! Сама бы поглядела на такую лужищу крови, в обморок бы брыкнулась».

И главное – всё зря. Ни черта мы не узнали! Одни нервы кругом. Да за то, что мне сегодня пришлось пережить, с Викочки новую машину запросить надо. И не в доверенность, а в собственность!»

И вполне успокоенный такой пришедшей вовремя мыслью, Борис ускорил шаг и понёсся к метро. Между прочим, подземку тоже в счёт ужасов записать следует. Он не ездил там уже несколько лет. Но сегодня пришлось. Машину оставил на стоянке, а сам поплёлся за Катенькой. Хорошо, хоть стоянка всего через пару станций. Ну и теснотища в этом метро, ну и вонища, прямо дышать нечем!

Борис поднялся по эскалатору из вестибюля подземки и направился к стоянке. Но едва выехал с неё на машине, ему вдруг стало плохо. То ли вид крови всё же подействовал, то ли духота подземки, но Борис неожиданно завалился на бок и, не сдержавшись, облевал всё правое сиденье.

Пришлось разворачиваться и гнать на мойку. А всё Викочка со своими безумными

идеями! Нет уж, с него хватит – пусть покупает ему в собственность новую тачку. Нефиг катать на облёванной! Хотя и почищенной. Всё равно воспоминания в мозгу не отчистишь...

А на другом конце города эмпат, спавший в комнате с цветными занавесками, во сне уловил тяжёлый ритм, а потом и разрушительный удушливый запах ЗАКЛЯТИЯ на смерть.

«Кто балуется? – резко проснувшись, подумал он. – Какой-нибудь колдун, чёрный маг? Не повезёт тому, кто произнёс эти строки. Впрочем, это не моё дело. Моё дело – Чёрный Дракон. Надо выспаться, чтобы иметь свежую голову! А вечером нужно пойти в ту квартиру тридцать семь, чтобы предупредить обитательницу. Если ею заинтересовался Дракон, она в опасности. Ну а ночью стоит проследить самого Дракона. Скорее всего, он пойдёт к этой Катеньке».

И вдруг странная мысль пронзила эмпата: отчего он уловил чьё-то заклятие? Неужели оно имеет отношение к нему или к его делам? А может, кто-то послал заклятие Дракону?! Хотя такого не может быть. Дракон защищён временем – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Во всём временном клубке. Его нельзя уничтожить физически. Даже если выстрелить в него, пуля, прочертив петлю времени, вернётся к пославшему. И неизвестно, что прострелит – руку, ногу или голову... Не убьёт и яд. Только мгновенно распадётся на составляющие части, из которых его изготовили. А с человеком, кинувшимся на Дракона с ножом, произойдёт странное – он в точности повторит все свои движения, но в обратном порядке – как на перемотанной назад киноплёнке.

Говорят, что даже тот, кто осмелится напасть на Дракона магически, ничего не добьётся. Более того, магия уничтожения, посланная на Дракона, вернётся к своему создателю. Правда, говорят, что способ уничтожения всё-таки существует. Дракона можно убить в особые моменты, когда энтропия времени вдруг неожиданно и стихийно возрастет или когда сам Дракон на время (вот уж каламбур!) потеряет свою силу. Такое уже случалось за века. Драконы погибали, если магический удар был нанесён по ним в нужное время. Но кто же знает, когда наступит такой момент? А рисковать никому не хочется...

Так что заклятие на смерть явно не предназначалось Дракону. Но тогда кому? Эмпат напрягся, всё равно сон улетучился, как аромат нестойких духов. Сам он был мало способен к магии, знал лишь азы. Да, почувствовать магическое нападение, как вот этот заговор на смерть, он мог. Но ни наслать сам, ни защититься не умел. Он был только эмпатом – тем, кто чувствует. Его дело было почувствовать и найти Дракона и то, что этот Дракон ищет. Показать другим, где находится ИСКОМОЕ. И эти другие уже будут бороться с Драконом. А как – это их личное дело.

Но почему он почувствовал запах смерти, источаемый заклятием? Последней его нитью в этом проклятом Драконьем деле была Катенька. Эмпат поднялся. Он снова стоял у окна. Снова, как днём, шёл вместе с Катенькой от дома её подружки к дому с квартирой тридцать семь. Вот он видел Катенькиными глазами кнопку лифта, вот двери кабинки открывались на её этаже. Вот она входила в квартиру. Эмпат чувствовал, как оживают и начинают источать тепло комнаты, по которым она проходила. Коридор. Кухня. Большая комната...

Но что это?! Почему так холодно?! Катенька же сюда вошла. Но где она?

Эмпат обхватил голову руками. Стало темно. Жутко. И появился проклятый привкус крови во рту и запах смерти. Тот самый, что в моргах не могут перебить даже тонны хлороформа и хлорки. И эмпат осознал, что ходить вечером к девушке не следует. Нет девушки! Уже убита. А он, дурак, опоздал...

Ну почему?! Почему он не пошёл к ней тотчас, как узнал, кто она и куда надо идти?! Он

же сразу понял, сколь незащитна и робка эта девушка. Такая никогда не сумеет постоять за себя. Ею вечно будут помыкать, управлять, манипулировать! А какая милая у неё улыбка. Не красивая, а именно милая на старинный манер. Про таких девушек говорят, что они не от мира сего. Да, сейчас таких редко встретишь в Москве. А теперь вот, может, УЖЕ и не встретишь!.. А он, дурак, ещё утром хвалился – я закрыл город от Дракона! Куда там! Вот она – кровавая жатва – уже началась. И вряд ли только с Катеньки. Наверное, есть уже и другие жертвы. Этот зверь всегда ходит по трупам!

Эмпат начал лихорадочно одеваться. Есть же ещё одна девушка – подруга Катеньки. Значит, ей тоже грозит опасность. Он знает её дом и подъезд. Наверное, сумеет отыскать и квартиру. Катенька ведь была там. И он должен почувствовать!

Рина никак не могла успокоиться. Катенька ушла, и чувство того, что её, Ринку, то ли кто-то зовёт, то ли что-то впереди ожидает, нахлынуло снова. Что-то будет... что-то будет... Но что?! Рина зажгла все люстры в квартире. Не потому, что в это зимнее время уже темно (раньше она очень даже любила сумерничать), а потому, что где-то в закоулках квартиры затаилась её тревога. Рина не понимала себя. Она же дома, не в кошмарном метро, не в бетонном переходе. Она – дома.

ДОМА ХОРОШО. ДОМА СПОКОЙНО.

Но спокойствия не чувствовалось. Казалось, что нужно сорваться и бежать куда-то. Навстречу тому, кто зовёт. Но ведь никто не звал?..

Рина даже поглядела в окно. Там, между грязными хлопьями кружащегося снега, проглядывали тусклые фонари. И почему в центре фонари всегда горят так ярко и празднично, а на окраине города так уныло и безнадёжно? А может, не фонари виноваты? Ведь по центру она всегда ходила не одна – с подружкой Олечкой, с компанией однокурсников, со своим Страшным Горем, в конце концов. Но никогда – одна! Теперь подружка Олечка вышла замуж и уехала из Москвы к мужу в Вологду. А потом из Вологды они вообще перебрались в Прагу. Туда же, куда сейчас рванула и мама со своим бойфрендом. Вот ведь какая катавасия – мать в её под пятьдесят меняет бойфрендов, как перчатки. Не понравится один – выкинем из головы и заведём другого. А Ринка на своём Страшном Горе просто зациклилась. Нет, конечно, она его уже практически не вспоминает, но и осмелиться на новый роман никак не может. А уж сегодня, когда ей привиделось утром, что Горе стоит на детской площадке...

Но ведь его там не было! И Олега не было. Это всё её неуёмное воображение! Там просто стоял кто-то в тёмном – то ли в куртке, то ли в пальто. А Ринка уж и вспыхнула вся.

Нет, так нельзя. С тревогой надо что-то делать.

Ах! Рина замерла. Звонок. Сильный. Упругий. Катенька? Скорее всего. Наверное, не может справиться с редактурой. Принесла текст обратно. Но ведь это и хорошо!

Во-первых, деньги всё-таки достанутся ей, Ринке. Во-вторых, и это главное, будет чем заняться, а не стращать себя чем-то неизбежным. «Что будет, то и будет. Пускай судьба рассудит!» – кажется, так говорила Ахматова.

Ринка открыла, не спрашивая – кто. Распахнула дверь и опешила. Никакой Катеньки! На пороге переминался странный парень – долговязый, в чёрном – то ли в длинной куртке, то ли в укороченном пальто. Рина замерла. Неужели – тот, чёрный?.. Похож. Лицо нервное, тёмные круги под глазами, а сами глаза запавшие, усталые. Он?! Рина даже руку выставила вперёд, как будто хотела рукой ощутить: он – не он. Парень не понял её устремления и, решив, что она подаёт ему руку, стащил перчатку. Ладонь была длинной, пальцы тонкими.

Красивая рука интеллигента, не знающего физического труда.

НЕ ОН!..

Но кто? По виду типичный «ботаник». Может, компьютерщик? Сам вон какой большой и сильный разворот плеч, но руки, увы, повисли, как у всех, кто сутками сидит за компом.

Ринка мигнула и подумала: «Может, он из агентства этого... как его... Орлова? Наверное, дело касается редакции?» – и выпалила:

– Вы от Леонида Николаевича? – Вот и имя-отчество вспомнилось. – От Орлова?

По лицу парня прошла тень улыбки, и он облегчённо прогудел:

– Да! А вы знакомы с ним?

Рина отступила, пропуская гостя в квартиру:

– Не особо. Мы познакомились только сегодня утром. Да вы проходите. Снимайте это! – Ринка ткнула пальцем в одежду – то ли куртку, то ли пальто. – И это! – Она показала на шапку.

Парень стянул чёрное кожаное кепи. Щегольское. «Наверное, дорогое, – почему-то подумала Рина. – А впрочем, какое мне дело?» Но вслух произнесла:

– Хотите чаю? У меня есть очень хороший. «Императорский». Если будете, то пойдём на кухню!

Ринка вдруг остановилась. Потому что вошедший гость молчал. Глядел на Ринку странными глазами – вообще-то тёмными, но почему-то по краям зрачков размывающимися в водяную голубизну. Глядел молча и весьма оценивающе. Но не по-мужски, это бы Рина поняла, а как-то странно. Как будто встретил нечто, чего никак не собирался встретить. Нет, не удивился, не поразился, но...

Что он видел? Высокую грациозную девушку. Да таких пруд пруди. Волосы светлые, но не крашенные «в блонд», а просто светлые от природы с разными прядями – то светлее, то темнее. Но и девиц, решивших не гнаться за модой в окраске волос, тоже хватает. Лицо, правда, странное. Не красивое. Но раз увидишь, навсегда запомнишь. Глаза – вот тут, конечно, закавыка. Глаза не имеют определённого цвета. Да пока она вела его на кухню и говорила что-то, глазищи меняли цвет несколько раз – от зелёного к коричневому. Но ведь такое тоже возможно.

Невозможным было другое. Эмпат почувствовал это с какой-то режущей болью, как будто кто-то начинал всё сильнее скрести прямо по сердцу. Если возникнут молоточки в мозгу, то он не ошибся. Секунда... Другая... И молоточки застучали. Первый. Второй. Груда молоточков... Девчонка несла на себе След Дракона! Он ощущал это так же ясно, как будто видел на её лбу печать этого зверя. У них тут гнездо, что ли?! Сначала Дракон отличил Катеньку – совершенно не таясь, так что эмпат узнал даже её имя. Но почему Катеньку, если есть эта? Или эта девчонка приманила к себе бедную Катеньку, а потом заставила её хитростью прочесть заклинание на смерть? Но тогда то, что ищет Дракон, явно у Катеньки, а ЭТА работает по приказу Дракона.

Рина видела, как дёрнулось лицо гостя, как заходили желваки на резко очерченных скулах. Девушке стало не по себе. Ну что за день?! То Страшное Горе мерещится, то этот странный гость... Господи, ну зачем она открыла?! Ну с чего взяла, что он работает в агентстве?! А ну как он её убьёт?! Или ограбит?

– Вы... – Рина запнулась. – Вы сказали, что знаете Орлова? А как его зовут?

– Леонид Николаевич, – не медля ответил гость.

Рина кивнула, успокаиваясь, и тут же вспомнила – она же сама только что назвала эти

имя и отчество. Выходит, её глупая проверка ничего не дала. На девушку напала паника.

«Отчего она так нервничает? – пронеслось в голове у эмпата. – Она же не должна ничего пугаться. Она защищена от всего. Играет? Пытается что-то вывести?»

Но никакой фальши или игры не чувствовалось – только неподдельный страх. Он даже был уверен, что девчонка подумала о том, что он может её убить. Он – её?! Да он же дилетант в магии. Это сразу должно чувствоваться. Но девица не чувствует. Почему?!

– Вы вообще кто? – выдохнула Ринка.

– Я – Глеб, – проговорил гость. – Я друг Леонида Орлова. А вы?

– Рина Каретникова. Леонид Николаевич передал мне редактуру текста. Просил побыстрее сделать. Но неужели надо было так быстро, что вы уже пришли за ней?

– За кем? – не понял Глеб.

– За редактурой. Вы ведь за ней пришли?

Глеб кивнул, мало что понимая, но желая потянуть время. Чтобы почувствовать ещё что-нибудь. Чтобы разобраться в ворохе чувств и страхов этой Риной. Чтобы понять – кто она и что делать ему.

– Погодите, я запутался, – сказал он. – Леонид дал вам рукопись.

– Да! Ученика Бадмаева. Помните такого?

– Конечно. Это целитель при царской семье. Ещё в XIX веке.

– Ну слава богу! – Рина облегчённо вздохнула. Человек, знающий о целителях XIX века, не станет красть, а тем более убивать. Бадмаев – это почти пароль. Удостоверение не просто образованного, но человека тонкого, мистического ума. И она снова выдала своё: – Хотите чаю? «Императорского»?

Глеб почувствовал, как спадает её напряжение, уходит страх. Как она почти внутренне улыбается ему, хотя уголки губ всё ещё подрагивают. Да какая разница, кто она, эта только что прошедшая сквозь волну паники девочка с меняющимися от страха глазами? Теперь они перестали метаться и засветились тёплым янтарным светом. Цветом чая.

– Да, хочу чаю! – проговорил Глеб и неожиданно признался: – Я озяб. И кажется, напугал вас. Вы простите меня за это?

Чай пили уже в дружеской обстановке. Рина рассказала, что недавно потеряла бабушку, что теперь не работает, поэтому заказ Орлова перед Новым годом оказался очень кстати. Глеб слушал, деликатно прихлёбывая чай. И опять не понимал, почему, рассказывая о себе, девушка не волнуется. А ведь должна была бы. Неужели не чувствует, что она – часть Драконьего племени, а он принадлежит к его ловцам? Но она чистосердечно не чувствовала и рассказывала о себе без боязни. Зато, заговаривая о рукописи, взятой у Орлова, начинала нервничать. В конце концов Глеб решил спросить напрямую:

– Могу я взглянуть на вашу таинственную рукопись?

И снова получил взлёт паники.

– Вы хотите её забрать? Я не успела закончить редактуру. Но завтра я принесу рукопись в издательство. Обязательно!

Это словечко «обязательно» навело Глеба на мысль, что тут что-то неладно. Она не просто не договаривала – она врала! Да и к тому же Глеб изначально не понимал – при чём тут Орлов? И какая-то рукопись? И Бадмаев с учениками?!

Три года назад неизвестный корреспондент пригласил Глеба приехать в Прагу. Глеб чувствовал – зачем. Он же эмпат. Он редко ошибается – речь пошла о Драконе. Сам Глава Братства Разрушителей Времени Леонид Николаевич Орлов предложил Глебу Громову

поучаствовать в поимке Чёрного Дракона. Глеб и раньше знал об этом чудовище. Недаром же он состоял в Братстве Разрушителей. О, как он мечтал о новых временах – о ниспровержении старого времени, старого порядка. Уже века тот доказывал свою вечную неспособность к обновлению и счастью человечества. Что бы ни устраивали лучшие умы, в старом времени это не приносило желаемых результатов. Всё выходило, как говаривал незабвенный Виктор Степанович Черномырдин: хотели как лучше, получилось как всегда. Но как же осточертело это никудышное «всегда»!

Нужно было поменять само время, перепрограммировать. Задать новую программу – на счастье человечества. Но на страже стояли Хранители Времени. И первым из них был Дракон. Этот кровавый зверь, готовый ради продления проклятого старого течения времени на горы трупов, череду изнасилований, пути обмана и облапошивания доверчивых людей. Но Глеб не был доверчив. Он сразу согласился помочь в поимке Дракона. Стать тайным ловчим этой пакости. Уйти в подполье, чтобы работать. И чтобы об этом не знал никто, кроме Леонида Орлова.

Три года Глеб изучал все факты, касающиеся Дракона. Уже в конце первого года сумел почувствовать этого зверя и подобраться поближе. Тогда Дракон жил в Париже. Но, заметив присутствие эмпата, перебрался в Женеву, потом в Лондон. Теперь вот явился в Москву. Но Глеб и здесь выследил его.

Пути перекрестились у подъезда этого дома. Стало ясно, что чудовище выслеживает Катеньку. Но зачем Орлов дал этой Рине какую-то рукопись на редактуру?

Это не может быть случайностью. Надо взглянуть на саму рукопись!

[Купить полную версию книги](#)